

Парь Моммер

Генриетта

ружонисъ

Поль Монтер

Непристойная рукопись

«Издательские решения»

Монтер П.

Непристойная рукопись / П. Монтер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937300-7

Начинающий писатель Эжен Бланшар обладает весьма скромными литературными способностями, но непомерными амбициями и чудовищным тщеславием. Каким бы предосудительным ни был путь к успеху, ради достижения своей цели он готов на всё. Случайная возможность получить желаемое сразу становится для него первым шагом к моральному падению. Внимание, роман содержит откровенные сцены и не рекомендован лицам младше 18 лет!

ISBN 978-5-44-937300-7

© Монтер П.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Непристойная рукопись

Поль Монтер

«В уме честолюбца успех извиняет постыдные средства»

Жан-Батист Массийон

Редактор Людмила Яхина

Дизайнер обложки Поль Монтер

© Поль Монтер, 2019

© Поль Монтер, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-7300-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

– Господин Бриссон, – с надеждой глядя в глаза грузного мужчины в летах, произнёс Эжен.

– А-а-а, вы по поводу своей рукописи, друг мой? Да, я ознакомился с вашим творением, господин... господин... – замялся помощник издателя.

– Эжен Бланшар, сударь, – покраснев, напомнил молодой человек.

– Хм, надеюсь, вы не станете обижаться на мою забывчивость? – улыбнулся Бриссон. – В мои годы это извинительно. Послушайте, юноша, не присесть ли нам в более уютном месте и выпить по стаканчику? Погода дряннее некуда, мне не хотелось бы вымокнуть под дождём и схватить простуду.

Бланшар тотчас кивнул и послушно направился за своим спутником, отчаянно нащупывая монеты в карманах заношенного сюртука. Вот горе, осталось всего три франка! До полочки ещё целая неделя. Но желание услышать мнение такого солидного человека, как Жоэль Бриссон, начисто лишило его рассудительной бережливости. И теперь он молился лишь об одном: чтобы его спутник не выбрал слишком дорогое заведение. К счастью, пронизывающий ветер и зарядивший мелкий дождь вынудили старика шмыгнуть в первый же попавшийся кабачок. Усевшись за столик, покрытый скатертью сомнительной чистоты, он заказал вина и, в ожидании служанки, что двигалась по прокуренному залу, словно сонная муха, достал из кармана сюртука тонкую стопку исписанных листов.

– Друг мой, – ровным голосом произнёс Жоэль. – Мне искренне жаль огорчать вас, но... Если из вас и выйдет неплохой писатель, то не ранее, чем лет пятнадцать спустя.

Эжен замер. Худошавое, бледное лицо его стало ещё бледнее, и в глазах мелькнуло такое смятение, что господин Бриссон невольно почувствовал сострадание.

– Послушайте, Эжен. Я же не сказал, что вы вовсе лишены способности к литературному труду. У вас встречаются весьма интересные фразы, и вы обладаете достаточной бойкостью в изложении. Но, к сожалению, вы начисто лишены полёта фантазии, что присуще талантливым авторам. В ваших рассказах нет ярких персонажей, интриги, событий, что могли бы увлечь читателя. Всё, о чём вы пишете, не вызывает ровным счётом никакого интереса.

– Я... я... Видите ли, господин Бриссон... – пытаюсь придать дрожащему голосу твёрдость, выдал Эжен. – Я описываю жизнь и события, что наблюдаю вокруг себя. И мои персонажи – реальные люди.

– Это видно, друг мой. Однако реальная жизнь не слишком привлекательна. Сами рассудите: те, кто вас окружают, не читают романов, а господа с положением вряд ли возьмутся за историю мирка простых людей. Они предпочтут утончённые чувства, страсть, любовный треугольник, даже кровавое преступление наконец. Но уж никак не сценки из жизни прачек, ремесленников или конторских служащих.

– Господин Бриссон, – торопливо отпивая из поданного наконец стакана пробормотал Эжен. – Вы находите моё изложение бойким, стало быть, мне всего лишь надо выбрать другие сюжеты.

– Не думаю, – покачал головой собеседник. – Сколько вам лет, Бланшар?

– Двадцать три, сударь.

– Вы слишком молоды и не обладаете достаточным жизненным опытом. И к прискорбию, ничего не знаете о жизни высшего света. Это не ваша вина, юноша. Я совершенно не пытаюсь намекнуть на ваше скромное положение. Но представьте сами, как глупы попытки сочинять о том, чего никогда не видел. А меж тем именно в этих кругах вращаются те, кто в сущности и делают писателю имя. Да и кроме признания вы наверняка хотели бы получать достой-

ную плату за свой труд. Поверьте на слово, только солидная публика в состоянии обеспечить подобное.

Эжен, оглушённый услышанным, уставился на свой опустевший стакан и машинально продолжал встряхивать его, словно пытаясь взболтать содержимое. Он даже не заметил, как собеседник заказал себе ещё одну порцию, и, промокнув лицо платком, потягивает вино. Бланшар поднял голову, и вновь искра надежды промелькнула в его карих, глубоко посаженных глазах. Не может быть, чтобы этот седовласый человек с таким добродушным круглым лицом окончил разговор, не дав ни малейшего шанса услышать что-то ободряющее.

– Мальчик мой, возможно, я покажусь вам нудным стариком, что прошёл мимо таланта. Но вы и вообразить себе не можете, как искренне мне хочется уберечь вас от ненужных иллюзий. Поверьте, лучше пережить эту досадную беседу, о которой через пару дней вы и сами забудете, чем потратить годы в погоне за призрачным. Нет, Эжен, это слишком больно. Особенно когда осознаёшь, что жизнь прошла, а мечты так и не сбылись. Я всего лишь хочу избавить вас от душевных мук, что претерпел сам. Слава Богу, у меня хватило ума вовремя оставить бесплотные фантазии и, как видите, я вполне преуспел на другом поприще. По крайней мере, имею достойное положение и не голодаю.

При этих словах молодой человек вскинул голову, но тотчас опустил её вновь, не произнеся ни слова в ответ.

– Послушайте, Бланшар, с вашим умением отлично описывать происходящее вы могли бы стать недурным репортёром. Думаю, вам вполне хватило бы года, чтобы набить руку на коротких заметках для газет. Кто знает, может быть, в этом деле вы достигнете отличных успехов. И ваша жизнь изменится к лучшему. В конце концов, это тоже творчество.

– Благодарю, сударь, – покачал головой Эжен. – Но... Можете счесть меня упёртым ослом, пока я жив, ни за что не отступлю от желания стать писателем. Господин Бриссон, я чувствую, да что там чувствую – просто уверен, что непременно прославлюсь и меня будут узнавать на улице и искать знакомства со мной. И общество людей, что теперь мне не доступно, станет принимать меня, как равного. Я войду в него знаменитостью, а не бывшим хроникёром из бульварной газетёнки.

Жоэль Бриссон вскинул удивлённый взгляд на юношу, глаза которого лихорадочно блестели. Этот молодой человек сумасшедший! Он не лучше любого одержимого фанатика и амбициозен настолько, что право же, от души жаль потраченного на разговор времени. Лицо помощника издателя потускнело. Несчастный наивный юнец, какое горькое разочарование его постигнет в самом скором времени. Он непременно окажется в доме для умалишённых, если до этого не умрёт с голоду или от чахотки.

Бриссон тяжело поднялся с места, запустив пальцы в карман сюртука.

– Позвольте, я оплачу, – отрывисто бросил Бланшар, достав монеты.

Старик пожал плечами. Парень окончательно спятил. Судя по его измождённому виду и плохонькой одежде, сейчас он лишился завтрака и обеда в придачу. Господь милосердный, сколько раз Бриссон убеждал себя не вступать ни в какие объяснения с теми, кто норовит нагрузить его очередной рукописью, но вечно попадает в переделку из-за своей доброты.

Оба спутника молча покинули заведение. Моросящий дождь всё не унимался. Мостовая покрылась лужами, блестевшими при тусклом свете фонарей. Пронизывающий ветер заставил поднять воротник и вжать голову в плечи. Помощник издателя огляделся в поисках свободного экипажа.

– Где вы живёте, Эжен? Я мог бы подвезти вас немного, – сочувственно глядя на дрожащего Бланшара, произнёс Жоэль, усаживаясь в фиакр.

– Благодарю, господин Бриссон, но мне нужно к бульвару Ля Шапель, это совсем в другую сторону, – покраснев от досады, ответил молодой человек. Но внезапно подошёл ближе к седоку и, ухватившись за край экипажа, спросил:

– Господин Бриссон, ещё одну минуту... знаете... я слышал, что весьма богатые люди, из тех, что равнодушны к искусству, помогают... словом, дают деньги на постановку пьесы... и...

– Не продолжайте, Эжен, я понял. Вам интересно, нет ли меценатов для тех, кто занят сочинительством? Боюсь, что вновь разочарую вас. Позволить себе писать романы может тот, кто не слишком озабочен добыванием хлеба насущного. И эти люди вовсе не нуждаются в помощи со стороны. Кстати, это ещё одна из причин, по которой вам следовало бы отказаться от своей одержимости. Если не ошибаюсь, вы служите в конторе?

Бланшар кивнул, горько поджав губы.

– Ну, вот вам и ответ. С утра до ночи вы принуждены ходить на службу, иначе попросту протяните ноги. А для достойной книги требуется время и светлая голова, свободная от мысли, где раздобыть еды. И можете поверить, вряд ли найдётся желающий потратить деньги на издание. Хотя я слышал об одном человеке, но вам это не подойдёт.

– Вы... вы считаете меня таким бездарным, господин Бриссон?

– Нет, Эжен, дело не в вас. Речь о бароне Шарле Баретте. Он действительно бывает щедрым и, на мой взгляд, даже излишне щедрым. Но его страсть коллекционировать предметы искусства; будь то картины, скульптуры или книги, что вызывают исключительно скандальную славу. Сам он человек весьма благопристойный и ведёт вполне размеренную жизнь, и мне непонятна его страсть к собирательству такого рода. Говорят, что экземпляры в его коллекции прекрасны по исполнению и абсолютно безнравственны по содержанию.

– Не может быть! Я совершенно сбит с толку! – пробормотал Бланшар. – То есть, к примеру, книга могла бы вызвать интерес этого господина, если её сюжет будет непристойным?

– Да, друг мой, начисто лишённым условностей и морали. Но и для такого вида литературы тоже надобны и талант, и определённые знания, и жизненный опыт. У вас есть только крупница таланта и более ничего из перечисленного. Иначе вы рискуете стать автором сборника дешёвеньких скабрёзных историй, на которые польстятся лишь мелкие служаки и уличные девицы, если вдруг озаботятся чтением.

– Да, вы правы, сударь, – озадаченно протянул Бланшар, отходя от экипажа.

– Ну вот, хоть в чём-то вы наконец признали мою правоту, – усмехнулся старик и кивнул кучеру, успевшему задремать, пока господа мололи языком.

– На улицу Шуазель, любезный.

Эжен с минуту постоял, словно задумавшись, но затем, подняв воротник как можно выше и сунув озябшие руки в карманы, быстро зашагал прочь. Чем ближе он подходил к заставе Пуассоньер, тем хуже освещались улицы. Свернув к бульвару Ля Шапель, он и вовсе оказался в темноте. Сырую мглу осеннего вечера лишь изредка нарушали скудные полоски света из приоткрытых дверей дешёвых забегаловок или витрин лавок, что уставшие за день хозяева ещё не закрыли ставнями. Но Бланшар слишком хорошо знал дорогу и не нуждался в ярком свете или провожатом. В такой час хотя бы не видно, каким убогим и жалким выглядит место его проживания. Облезлые дома жмутся друг к другу, точно дрожа от холода. Облупившаяся краска на вывесках, выцветшая ткань на витрине суконщика. Аляповатые бумажные цветы в окне цветочной мастерской давно утратили краски и смотрятся, как погребальные венки на заброшенной могиле. Экая жалость, что сумрак заодно не избавляет от неприятного запаха, окутывающего каждого угодившего в квартал бедноты. Для Эжена вонь от красильни, гниющие отбросы, что обитатели здешних мест попросту кидают в сточные канавы вдоль улицы, резкий аромат жавеля и прожжённых тряпок от маленькой прачечной и гладильни сливались в один непереносимый запах нищеты и безысходности. Бланшару казалось, что он насквозь пропитался этой вонью. И умываясь по утрам, он воображал, что его одежда, лицо, руки и волосы источают отвратительный запах. Эти выдумки заставляли юношу избегать светлых многолюдных улиц и вынуждали жаться к стенам домов.

Нудный дождь продолжал монотонно стучать по оцинкованным крышам. Эжен тоскливо прикидывал, что старые башмаки успели слишком сильно промокнуть и не просохнут к утру. Он прибавил шагу, но завернув за угол, столкнулся нос к носу с высокой девицей.

– Эй, сударь, вы едва не сбили меня с ног, – хихикнула она, и Эжена обдало густым запахом вина, смешанного с ароматом дешёвой туалетной воды. Он вскинул взгляд и при белёсом свете единственного на всю улицу фонаря увидел женщину с ярко накрашенными губами и пышной причёской. Молодой человек посторонился, пробормотав извинения, но девица схватила его за рукав.

– Ну и гадкая погодка выдалась, дорогуша, не желаешь ли скоротать часок-другой в приятном обществе?

Девушка стояла так близко, что даже в полумраке Бланшар заметил несвежую кружевную косынку, несмотря на холод слегка прикрывавшую вырез на платье. Мощный бюст едва не вываливался наружу из слишком тесного корсета и подрагивал при каждом движении, словно застывший бульон. Теперь он ясно видел фальшивые локоны, разнившиеся цветом с взбитой чёлкой, успевшую растечься краску на ресницах, что делали взгляд девушки болезненным. Мокрый подол платья, оборка которого надорвалась по краю и, видно, не единожды окунулась в лужу. Но даже такой жалкий вид вызвал у молодого человека желание. Разве его вина, что он вечно должен экономить, но не евнух же он, в конце концов!

Бланшар торопливо сунул руку во внутренний карман, и тут же разочарование отразилось на его лице. Вот дурак! Он успел позабыть, что истратил деньги на угощение Бриссона. Девица решила, что юноша попросту скуповат или слишком бережлив и, не желая упускать добычу, зазывно подмигнула.

– Что, не решаешься расстаться с парой монет, красавчик? Ладно, если у тебя такой же большой, как твой нос, возьму с тебя только половину цены, – вульгарно захохотала она.

Лицо Эжена покраснело от стыда. И он, грубо оттолкнув девушку, прошипел:

– Отстань от меня, шлюха!

И не оборачиваясь, поспешил свернуть в переулок. В спину ему, словно плевки, полетели бранные словечки, брошенные визгливым голосом:

– Сам проваливай, голодранец! Я и не собиралась идти с тобой! Вот скотина! Да упрасивай ты меня на коленях, и то я не соглашусь!

Эжен почти бегом добрался до дома и так хлопнул дверью, что в привратничкой приоткрылось окно, и злобные пронырливые глазки госпожи Марти просверлили его насквозь.

– Вы сегодня припозднились, сударь, – поджав морщинистые губы, процедила старуха.

– Меня задержали в конторе, – пробормотал Бланшар.

– Да мне дела нет, где вы проводите время, здесь не исповедальня, – язвительно произнесла привратница. – Я лишь хочу напомнить, что вы задолжали за три месяца. Хозяин велел передать, если не оплатите долг, то можете убираться.

Эжен с ненавистью бросил взгляд на старуху, укутанную в тёплую шаль. За спиной её виднелась приоткрытая дверь довольно уютной комнаты. По крайней мере, из неё тянуло теплом и густым запахом остывающего рагу.

– В понедельник я внесу плату, – отрывисто бросил он.

Оказавшись, наконец, в своём скромном жилище, молодой человек, не раздеваясь, опустился на стул и медленно обвёл взглядом жалкую комнату. Да, обстановка была скуднее некуда. Узкая постель с коленкорovým пологом, стол, два стареньких стула и огромный тяжёловесный комод, что занимал едва ли ни треть помещения. Но каким бы аскетичным ни было жильё, он успел привыкнуть к нему и, возвращаясь вечерами со службы, даже находил его уютным. На комод Эжен держал подсвечник и крохотную пепельницу, куда обычно бросал мелочь вроде оторванной пуговицы или монетки в два су. На двери красовались два толстых гвоздя, куда юноша вешал сюртук и шляпу. И над умывальным щербатым тазиком висело небольшое

зеркало в простенькой рамке. Мысль, что он может лишиться такой привычной и дорогой ему комнаты заставила его сжать губы, на глазах выступили слёзы. Бланшар почувствовал себя глубоко несчастным человеком. Мало что жизнь его никогда не была особо сладкой, но этот день будто вобрал в себя все разочарования разом. А ведь он так надеялся и с трепетом ждал больше недели лестного отзыва господина Бриссона! В своих смелых мечтах он представлял, как старик с восторгом отзовется о рукописи и мигом представит его самому издателю. Ах, с каким бы наслаждением он, солидно одетый, не сняв шляпы и перчаток, вошёл бы в контору, где служил более года, и с насмешливым превосходством объявил об уходе. Вот бы у всех вытянулись лица! Ведь сослуживцы привыкли посмеиваться над его нескладной худощавой фигурой и слишком длинным носом, что служил причиной для обидных замечаний ещё с детства. И вот, оказалось, что господин Бриссон совсем не разглядел в его рукописи ничего интересного, кроме бойкого изложения. Как ни горько признать, но в чём-то старик, несомненно, прав, Эжен не знает никакой другой жизни, кроме той, что окружает его. Возьмись он писать любовную драму, то мигом выкажет себя наивным простаком. Те любовные истории, что случались в квартале бедноты, слишком примитивны и не могут похвалиться изысканной утончённостью. Да и сами отношения, к отчаянию самого Эжена, ему совершенно неизвестны. Он ни разу не был влюблён, его душа не испытывала трепета при образе нежного создания, что обычно являются читателю в романах. Бланшара окружали простые девушки и молодые женщины, грубоватые, наглые и развязные, иногда скромные, что объяснялось лишь их внешней непривлекательностью. И молодой человек вовсе не находил в них ничего такого, что заставило бы проливать слёзы, а сердце биться чаще. Если его и мучило томление, то попросту от примитивной жажды физического обладания. Эжена вполне устроила бы и поблёкшая девица, что пристала к нему на улице. Но даже такое низкое и простое удовольствие оказалось для него недоступно. Вот жалость, что он вздумал показать себя слишком гордым и независимым, оплатив счёт Бриссона в кабачке. Истраченных денег наверняка хватило бы на услуги потаскушки.

А теперь, ко всем свалившимся неприятностям, ещё и известие о том, что домовладелец больше не желает ждать уплаты долга. Бланшар встал и прошёлся по комнате, закрыв лицо ладонями. Слёзы, так долго сдерживаемые, хлынули сплошным потоком, и он упал на кровать, уткнувшись в подушку, стараясь заглушить рыдания. Должно быть, со слезами горечь, терзавшая молодого человека, постепенно ушла, оставив после себя лишь тоскливую безнадёжность. Эжен так и остался лежать на кровати, пока озябшие ноги в мокрых башмаках не начало сводить судорогой. Разувааясь, он внезапно замер от мысли, что пришла в голову. Завтра воскресный день, и он будет обедать у тётки, единственной из оставшейся в живых родни. Стало быть, голодать уже не придётся и можно постараться разжалобить скупую старуху и попросить займы денег. Тогда он сможет не думать о скитаниях в поисках нового жилья. Эти размышления приободрили Эжена, да-да, он непременно выпутается из беды, а там... Кто знает, может быть, ему выпадает счастливый случай и в голове сам собой возникнет интересный сюжет. Он вовсе не лишён полёта фантазии, как решил Жоэль Бриссон. Неужто так сложно выдумать историю от начала до конца? Да он всего лишь не пытался этого сделать. И молодой человек решил тотчас погрузиться в мечты, но сон сморил его быстрее.

Госпожа Фуке подставила племяннику дряблую щёку для поцелуя и, не одарив его ответной лаской, неодобрительно заметила:

– Вид у тебя ещё более унылый, чем в прошлое воскресенье, Эжен. Такое чувство, что ты не ел несколько дней и в придачу ночевал под мостом.

– Вам показалось, тётя, – стараясь придать голосу беззаботность, ответил юноша. – Мне пришлось много работать, и я совсем не высыпался несколько дней. Но дела мои не так уж плохи, как вы подумали. Вчера я беседовал с очень солидным человеком, он нашёл мою рукопись не лишённой таланта и отметил, что пишу я бойко.

– Ай! – скривилась госпожа Фуке. – Ты опять за своё! Я даже слушать не желаю про твои дурацкие затеи с бумагомаранием. А тот, кто говорил с тобой, наверняка прохвост. Все писатели прощельги и развратники. Если ты не оставишь эти бредни, то я непременно исключу тебя из завещания, ты не получишь ни гроша, мой милый.

Эжен, стараясь подавить охватившее его раздражение, как можно мягче произнёс:

– Тётя, дорогая, вы ошибаетесь. Среди писателей есть весьма достойные люди и знакомством с ними гордятся в высшем обществе. Их с радостью принимают важные персоны. Да к тому же многие из них нажили целое состояние литературным трудом.

– Не пытайся переубедить меня, – махнула рукой старуха. – Ни я, ни те, кого я знаю лично, не прочёл за всю жизнь ни единой книжонки, конечно, кроме молитвенника, и прекрасно себя чувствуют. Да и за примером ходить не надо, вообрази только, недавно девушка из приличной семьи сбежала из дому с приказчиком! Да, с простым приказчиком! А всё оттого, что вечно читала романы. Я сама видела её несколько раз в парке. Она постоянно держала в руках книгу. И после этого ты станешь спорить, что книги не развращают людей? Уверена, эта бедняжка окажется среди девиц, шатающихся по бульварам.

– Но тётушка! Возможно, девушка попросту влюбилась! При чём здесь романы?

– Не старайся казаться более глупым, чем ты есть на самом деле, Эжен. Достойной особе в голову бы не пришло влюбиться. Всё это плачевный результат чтения. И я думать не желаю, что мой единственный племянник имеет отношение к тем, кто несёт вольные мысли и сбивает с толку неокрепшие души.

– Ладно, тётя, не будем больше об этом, – с фальшивой покорностью проронил молодой человек.

Обед, поданный служанкой, был на редкость простым. Бланшар со вздохом отметил, как скрупулёзно отмерены порции каждого блюда. Стараясь есть помедленнее, чтобы старуха не догадалась о жутком голоде, мучившим его с самого утра, Эжен катал во рту кусок успевшей остыть отбивной, жёсткой как подошва. На десерт подали кусок сыру и вазочку варенья, такого жидкого, что молодой человек засомневался, не разбавили ли его перед подачей водой. И пытаясь хоть как-то заполнить пустой желудок, он постоянно отламывал хлеб, делая вид, что слишком задумался и действия его машинальны. Старуха неодобрительно смотрела на него, словно подсчитывая в уме, сколько су исчезает в прожорливом рту родственника.

Наконец, трапеза подошла к концу, и оба переместились в крохотную гостиную поближе к камину.

– Подай моё лекарство, Эжен, – буркнула госпожа Фуке. – Там, на верхней полке буфета. Бланшар принёс бутылочку зелёного стекла, заткнутую пробкой.

– Удивительно, тётя, вы столько лет пьёте эту настойку, а меж тем ваше самочувствие не становится лучше, – протянул он, откупоривая бутылку. – Из чего это? Пахнет какой-то травой.

– Там есть анис и можжевельник, мне готовит его аптекарь. Уж наверное, он знает больше, чем ты, о пользе настойки. Почём тебе знать, как я жила, не будь у меня лекарства? Может, я до сих пор не в могиле лишь оттого, что по два раза в день принимаю микстуру.

Племянник выждал, когда старуха сделает щедрый глоток прямо из бутылочки и, набрав в грудь воздуха, наконец решился:

– Тётя Октавия, не могли бы вы одолжить мне денег?

– Так я и знала! – победно воскликнула старуха, кивнув настолько энергично, что чепец съехал на бок. – Я с самого начала поняла, что дела твои из рук вон плохи. Подручный лавочника и то одет приличней тебя. Куда ты деваешь заработок, Эжен? Неужели пьянствуешь или таскаешься по девкам? Ведь ты уже просил пять франков две недели назад.

– Помилосердствуйте, тётя! Да, я позволяю себе стаканчик вина раз в несколько дней! И сроду не водил к себе девиц. Мне просто пришлось купить хорошей бумаги и чернил для

рукописи, заплатить переплётчику, ну и угостить помощника издателя. Мне необходимо было проявить вежливость, он слишком важный и занятой человек, чтобы запросто тратить время на беседу с начинающим литератором.

– Господь милосердный! Как же мне не повезло с родней! – возмущённо прошипела старуха. – Мой младший брат, что доводился тебе отцом, был круглым дураком! Вечно он брался за дела, которые разоряли его дочиста. Взять хотя бы эту чёртову лавку с грошовыми безделушками. Только умалишённый мог придумать торговать эдаким никчёмным товаром в квартале бедняков. Да и твоя мать оказалась не меньшей дурой, точно под стать муженьку. А ведь я настоятельно просила её сплавить негодный товар по сходной цене. Она могла бы выпутаться из долгов, если бы открыла торговлю зеленью или прикладом. Но нет, ей вздумалось отдать тебя в обучение. Хотя, чему удивляться? Недаром она окончательно спятила перед смертью. Твой никчёмный диплом сожрал жалкие крохи грошового наследства вместе с проклятой лавкой. Ты же мог поступить в магазин торговца сукнами и теперь наверняка дослужился бы до помощника старшего приказчика! А вместо этого просиживаешь штаны в жалкой конторе и ещё умудряешься швырять деньги на шикарную бумагу, услуги переплётчика да поить вином какого-то хлыща, что наживается на издании непристойностей!

Лицо Эжена свело судорогой, он из всех сил пытался погасить огонь ненависти, что сверкал в его глазах. Вот паршивая скряга! Мало того, что с издёвкой помянула родителей, так ещё готова помереть в обнимку со своими деньгами! Отчего Господь никак не приберёт её к себе? Каждый день помирают люди гораздо моложе ненавистной тётушки, а она продолжает наслаждаться безбедным существованием, не давая единственному племяннику ни любви, ни заботы, ни помощи.

– Можешь кривиться как угодно, Эжен, но то, что я говорю, абсолютная правда! – ударив ладонью по поручню кресла, бросила старуха. – Мы с мужем всегда относились к деньгам с уважением, отказывали себе в развлечениях и пустых тратах. Каждая монетка шла в дело лишь после того, как мы решали, стоит ли её тратить. И как видишь, это принесло свои плоды. Когда нам удалось скопить на ренту, мы оба удалились на покой без боязни, что на старости будем побираться. И хотя сейчас я могла бы позволить себе лишнего, я обхожусь малым. Вместо кухарки и горничной я держу одну лишь Вероник, что, несомненно, сокращает расходы, живу в приличном квартале в собственном, пусть и скромном доме. И не нуждаюсь ни в твоей, ни в чьей-либо ещё помощи. А по всему выходит, что мой уклад жизни ведёт к достатку и стабильности. А такие шалопаи, как ты, могут закончить жизнь под забором, если не возьмутся за ум.

– Мне лучше уйти, тётя, – выдавил Эжен, чувствуя непреодолимое желание схватить старуху за горло и сжимать до тех пор, пока она не замолчит навсегда.

– Да-да, иди, ты достаточно расстроил меня своим приходом и своей непроходимой тупостью. И запомни, если ты не станешь следовать моим советам, я с чистой совестью отпишу всё, что нажила, соседнему приходу. От меня ты не получишь ничего.

Белобрысая, невзрачная служанка Вероник с невозмутимым видом протянула молодому человеку шляпу и направилась отворять двери. От души потешаясь над услышанным. Ну и головомойку устроила мадам своему недотёпе-родственнику. Со смеху помереть можно, они оба были похожи на злобных ворон. И тётка, и племянник обладали внушительными носами, что ещё больше придавало им сходство с птицами, не поделившими крошки. Да и вопли мадам, как есть, походят на карканье. Вот потеха! И как это господин Эжен утерпел и не огрел любимую тётушку кочергой? Хотя, признать откровенно, господин Бланшар довольно мил, особенно когда по-свойски подмигивает ей. Будь хозяйка добрее, парень не выглядел бы таким тощим. Даже жаль, что мадам не поселит его у себя. Пожалуй, в доме стало бы не так тоскливо. И Вероник ещё немного постояла в дверях, вспоминая, как однажды племянник хозяйки ущипнул её за талию, притиснув в углу прихожей.

Бланшара душила злоба, надо же было тётке уродиться такой жадной! Ей даже в голову не пришло проявить сострадание. Она готова помереть в обнимку с нажитыми деньгами, лишь бы не дать ни гроша взаймы. А ведь он единственный кровный родственник, Бог не послал ей детей. Наверняка он попросту счёл, что такая скупердяйка уморит собственное дитя голодом. Теперь, получив от госпожи Фуке решительный отказ, молодой человек в ужасе понял, что ему и впрямь грозит остаться под мостом. Но не успев до конца впасть в озабоченность по одному поводу, как сразу, словно старуха и впрямь накликала беду, он получил ещё один неожиданный удар. Владелец конторы, дела которого шли всё хуже и хуже, без всяких церемоний сократил число служащих, по его мнению, самых нерадивых. Нужно ли удивляться что в их компанию угодил и Бланшар, что вечно сидел с надутым видом, не скрывая, как ему опротивела эта работа. Вот это стало настоящим бедствием для молодого человека. Теперь он точно не наберёт достаточно денег погасить долг, даже если станет питаться впроголодь. Впав в оцепенение и оглушённый известием, Эжен вернулся домой, где с ехидным видом привратница указала ему на дверь. Теперь, когда, казалось, все горести разом рухнули на его бедную голову, юноша не нашёл ничего лучше, как отправиться к реке и прыгнуть с моста. Право же, он совершенно не видел другого выхода. Тётка не пустит его на порог, злорадно упиваясь своей прозорливостью. Друзей, что могли бы приютить его хотя бы на некоторое время, у него никогда не было. Он искренне считал себя выше и умнее окружающих. Свободное время он старался посвящать письму или прогулкам в одиночестве, пытаясь строить в уме сценки и диалоги, которые, вернувшись домой, аккуратно заносил в истрёпанный блокнот. Прижав к себе жалкий сундучок, куда запросто вместились всё имущество, Эжен направился на верную гибель.

Голова Бланшара кружилась, названия улиц и переулков расплывались перед глазами. Он совершенно сбился с дороги, ведущей к реке. Мелкий снег сыпал с самого утра, но тотчас таял, едва коснувшись мостовой, и ничуть не прикрыл раскисшую грязь на обочинах. Тощее заносенное пальто грело не больше, чем лист лопуха, если бы молодой человек прикрыл им плечи. Пальцы, сжимавшие поклажу, покраснели и ему приходилось то и дело останавливаться, чтобы подышать на них. Иначе они и вовсе примёрзнут к железной ручке. Эжен уже давно потерял счёт времени, наверное, он кружит по улицам более двух часов. Холод так сильно одолевал беднягу, что он невольно стал жаться ближе к лавчонкам, воображая, что возле них гораздо теплее. В очередной раз сделав остановку, он опустил поклажу на приступку, заляпанной брызгами проезжающих повозок витрины, и прижал к губам указательный палец, что буквально кололо иголками. И тут взгляд его скользнул по листу серой бумаги с объявлением о сдаче мансарды внаём. Бланшар машинально прочёл написанное и посмотрел на дом, возле которого оказался. Вид у серого двухэтажного строения был столь жалким, что молодой человек внезапно почувствовал надежду. Не может быть, чтобы хозяева решились сдать комнату в эдаком месте дороже, чем его прежнее жильё. И Бланшар решился войти. В конце концов, помереть он ещё успеет. Если комната уже сдана или плата высокая, стало быть, он направится исполнять свой замысел. По крайней мере, немного согреется болтая с хозяевами, иначе от холода скончается раньше, чем доберётся до речки.

На первом этаже располагалась мастерская башмачника. Свет, проникающий через витрину, был довольно скудным, но достаточным, чтобы разглядеть беспорядочно сваленные в кучу у стены рваные башмаки, куски кожи для заплаток и деревянные колодки, отполированные до блеска примеркой обуви. Запах вара, грязного помещения и сырых кож окутали его прямо с порога. Мастерскую держал старик Вольжан со своим сыном Раулем. Беглого взгляда хватило, чтобы понять: владельцы еле сводят концы с концами. Борода Вольжана топорщилась в разные стороны и напоминала облезлый веник. Светлые, словно белёсые, глаза совсем скрывались под широкими бровями. На всём лице только и выделялся уныло повисший нос с капельками пота. Его сыну на вид было около тридцати, один глаз несчастного косил так

сильно, что зрачок и вовсе закатился внутрь. Приоткрытый рот и неловкие движения указывали, что младший Вольжан страдает слабоумием и годится только для простой и однообразной работы. Сейчас он старательно начищал башмак и не прекратил своего занятия, даже когда на пороге показался незнакомец.

– Что вам угодно, сударь? – сипло спросил старик.

– Я хотел бы разузнать о комнате, что указана в объявлении, – ответил Эжен, стараясь встать как можно ближе к очагу.

– Отлично! Сударь! – всплеснул руками старик, вскакивая со своего места с проворством, которого трудно было ожидать. – Чудесная комната, можете обойти всю улицу Гут д'Ор, не найдёте лучше за такую цену. Мы сдаём с полной обстановкой и не просим лишнюю плату за это.

Эжен засопел, делая вид, что задумался, и, выждав с минуту, выразил желание взглянуть. Хозяин снял с себя длинный клеёнчатый фартук, пригладил волосы и, кивнув гостю, приоткрыл заднюю дверь. Как и Бланшар, отметивший про себя бедность хозяев, и уверенный, что много с него не попросят, Вольжан цепким взглядом охватил молодого человека вплоть до поношенных башмаков и облезлого сундучка. Сразу видно: парень на мели, он наверняка согласится. И гадать нечего, любой другой вариант ему не по карману.

Поднявшись по скрипучей рассохшейся лестнице, Бланшар оказался в крошечной мансарде, узкое окно которой выходило прямиком на крышу. Обстановка комнаты показалась ему куда беднее предыдущего жилья. Кровать больше походила на лежанку, от полога осталась лишь провисшая верёвка, потемневшая от времени. Маленький столик, видно, служил и для еды, и для умывания, так как на нём разместился щербатый кувшин и тазик величиной с тарелку. Один стул, с треснувшей обивкой и вылезавшим из неё конским волосом, и низкий комод с единственным уцелевшим ящиком, вместо второго ящика зияла тёмная дыра. В углу комнаты стояла железная печка с повисшей на одной петле заслонкой.

– Вот, смотрите сами, сударь! – развёл руками Вольжан. – Комната замечательная! До вас здесь жила девушка, она вышла замуж и только по этой причине съехала. Вообразите только, стоит повесить у кровати полог и поставить на комод парочку безделушек – более уютного местечка не найдёшь. Дом замечательный, ему, пожалуй, лет сто, а он до сих пор крепок. А печка! Сударь, поверите ли, она съедает всего полторы-две мерки угля в самый холодный зимний день, а меж тем отлично греет. Пощупайте, кровать покрыта шерстяным одеялом. Оно почти новое, да и входить в комнату можно по внешней лестнице, минуя мастерскую, и всё это за какие-то пятнадцать су в неделю!

Эжена одолевали сомнения: уж очень жалкой, даже в сравнении с его комнатой, смотрелась мансарда. Но быстро подсчитал в уме, что при такой арендной плате он сможет выкроить на покупку тёплого шарфа и, главное, на бумагу и чернила. Немного согревшись, Бланшар совсем передумал помирать.

Оплатив жильё сразу за три недели, молодой человек приободрился и позволил себе небольшую прогулку до скромного кабака, где с удовольствием съел кусок хлеба с сыром и выпил стаканчик вина. Поднимаясь по лестнице в новое жилище, он чувствовал себя в приподнятом настроении. Как бы то ни было, вопреки угрозам тётки, он не остался ночевать под мостом и не приполз унижено молить её о помощи. Не такой уж он дурак, как воображает старуха. Ноги его больше не будет в её доме. А когда он станет знаменитым писателем, пусть сама начнёт искать встречи, если к тому времени не окажется в аду за свою жадность. Но когда Эжен приготовился лечь спать, его вновь охватила безысходная тоска. Чему он так радовался более часу назад? Как не крути, он скатился ещё ниже, чем раньше. Теперь в ночном сумраке, когда свеча погашена и в комнату попадает лишь скупой лунный свет, ясно видно, что это просто убогая конура! Кровать узка настолько, что даже художавому Бланшару любое движение во сне грозит падением на пол. Печь успела остыть раньше, чем он разделся, хваленое одеяло пропиталось запахом затхлой сырости и ничуть не даёт тепла. Стол так мал, что сидеть

за ним можно лишь боком, иначе колени упрутся в козлы. Если он вздумает писать рассказ, сидя за таким сооружением, то непременно скривит себе шею. Ко всему, ночью за стеной так громко возились и пищали крысы, что Эжен боялся закрыть глаза, вздрагивая от страха и отвращения, что эти твари прогрызут тонкую перегородку и свалятся ему на постель. Он захотел отказаться от комнаты на следующий же день, но, поразмыслив, решил для начала подыскать другое жильё, чтобы вновь не оказаться на холодной улице с сундучком в обнимку. Он лишь пожаловался Вольжану на крысиную возню, не дававшую ему заснуть.

– Это пустяки, сударь, – спокойно ответил старик. – Проклятые твари шастают сюда от булочника. Вам попросту надо стукнуть кулаком по стене, и они мигом утихнут.

Бланшар лишь скривился в ответ, убедив себя, что конечно не останется в этой дыре надолго. Но, видно, Господь и впрямь отвернулся от молодого человека, словно в насмешку за отчаянное желание идти наперекор советам Бриссона и скупой тётушки. Он провёл целую неделю в бесплотных поисках, встречая лишь отказы. То выяснялось, что перед ним уже взяли кого-то, то ссылались на отсутствие у него достаточного опыта. Молодой человек вернулся к себе совершенно разбитым и опустошённым. Забравшись в кровать, Эжен сжался в комок, зажав руки между коленями в надежде согреться. Поверх одеяла он набросил сюртук и пальто, но от холода никак не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами, чувствуя невыразимую горечь. Холод струился по стенам, и молодой человек даже не решился зарыдать, уверенный, что слёзы моментально замёрзнут, сковав лицо льдом. В комнате внезапно стало светлее и, бросив взгляд в окно, Бланшар заметил крупные хлопья снега, что кружились мягко опускаясь на землю. Наверняка случись все эти несчастья летом, ему было бы не так тоскливо. Хотя бы не пришлось тратить на уголь. Удивительно, ему так хотелось уехать из жалкой мансарды всего несколько дней назад, а теперь один лишь вид падающего снега вызывает страх лишиться и этого угла. Почему все беды валятся именно на его голову, неужели там, на небесах, не позаботились избрать своей мишенью кого-то другого? Чем он успел так нагрешить, чтобы платить по счетам? Эжен закрыл глаза, он мечтал уснуть и хотя бы во сне избавиться от мыслей, что буквально разрывали ему сердце, но за стеной вновь началась крысиная возня. Слабость и тоска внезапно сменились приступом ярости, что прежде было ему совсем неприсуще. Он вскочил на кровати и ударил кулаком по стене. На несколько минут воцарилась тишина, но не успел Бланшар улечься, как злобный писк и шорох послышались вновь. Не помня себя от злости, он схватил башмак и начал колотить в стену что есть силы, словно выплёскивая всю накопившуюся горечь. На серых в разводах обоях оставались пятна от грязной подошвы, писк давно прекратился, но Эжен всё колотил и колотил в стену. Пока не раздался треск, и рука, сжимавшая башмак, не провалилась в образовавшуюся дыру едва ли не по локоть. Вот проклятье! Теперь придётся раздобыть картинку или зеркало, чтобы скрыть от хозяина этот урон. Не хватало ещё, чтобы дыра выходила напрямиком на улицу, тогда к утру его постель успеет занести снегом. Он спрыгнул с кровати и зажёл свечу. Поднеся её совсем близко к пролому, он заглянул внутрь и облегчённо вздохнул: по крайней мере, сквозь отверстие не видно снега, что продолжал кружить за окном. Бланшар собрался погасить пламя, но что-то заставило его вновь заглянуть внутрь. Света, конечно, маловато, но кажется, за тощей перегородкой, оклеенной обоями, виднеется угол предмета, похожего на шкатулку, и довольно крупную. Вздрагивая от омерзения, что наткнётся на крысу, Эжен сунул руку глубже, стараясь нащупать края находки. Ого! Так и есть! Там, за стеной точно стоит шкатулка или ларец! Молодой человек совсем позабыл о холоде и, засучив рукава, начал осторожно доставать содержимое тайника. То, что это тайник, он не сомневался и минуты. Бланшар надорвал обои и, как мог, расширил отверстие, не забываясь, что куски оплётки и штукатурки сыплются прямо на постель. Наконец, шкатулка была бережно поставлена на стол, и он с любопытством рассматривал её, осторожно смахивая пыль, густо облепившую находку. Металл, из которого она была выделана, местами успел позеленеть. Углы шкатулки были украшены виньетками, совершенно утратившими чёткие очертания под

слоем пыли и обрывков паутины с засохшими мухами. Замка Эжен не нашёл, но шкатулка была заперта основательно. Он даже попытался протиснуть в зазор кончик старого ножика для бумаг, однако дело не сдвинулось. Уж не забили ли проклятую крышку гвоздями? Азарт и любопытство охватили молодого человека целиком, он совсем перестал чувствовать понижающий холод, царивший в мансарде. Бланшар так старательно тряс находку и пытался открыть её, что на лбу выступили капельки пота. Он остановился лишь тогда, когда при очередной попытке содрал кожу на пальце, зацепившись за вензель крышки. Выбившийся из сил юноша присел возле стола и прижал окровавленный палец к губам. Чёрт, наверное, придётся дожидаться утра и выпросить у хозяина молоток или шило, словом, любой инструмент. А что если этот тайник заложил сам Вольжан? Пожалуй, он заподозрит неладное. Мало ли бывает скряг, что живут словно нищие, а меж тем в сундуках у них хранятся несметные богатства. Неужто он ни разу не перестраивал мансарду или не штукатурил стены? И молодой человек продолжал напряжённо мыслить, как бы открыть шкатулку и сохранить находку в тайне. Вещь такая старая, может быть, её припрятали ещё прежние жильцы? Эжен водил пальцами по вензелю, пытаясь нащупать, о какую деталь он так немилосердно поранился. Хм, похоже на волчью голову с оскаленной пастью. Забавная композиция, прямо напротив зверя изображён крест. Рассмотреть толком при скудном освещении не получалось, и Бланшар потёр его пальцем, пытаясь очистить налёт покрывший металл. Внезапно крест под его пальцами выдвинулся вперёд. Эжен вздрогнул от неожиданности. Азарт искателя вновь вспыхнул в его глазах. И, осторожно придвинув догорающую свечу как можно ближе, юноша наконец понял, что теперь крест можно поворачивать в разные стороны. Но только когда распятие оказалось перевёрнутым, оно легко, словно без усилий, само собой вошло в пасть волка. Клыки сомкнулись, как будто зверь заглотнул крест, раздался тихий щелчок, и крышка раскрылась так неожиданно, что Эжен не удержался от вскрика, испуганно зажав рот рукой. Просидев, не шевелясь, несколько минут и с облегчением поняв, что в доме тихо и его никто не услышал, он наконец заглянул внутрь. К огромному разочарованию, никаких драгоценностей там не было. На дне лежала толстая стопка исписанных листов бумаги, перевязанная шёлковой лентой, и медальон на цепочке. Уже без всякого интереса Бланшар начал рассматривать украшение. По крайней мере, открыть медальон оказалось проще простого. Под потемневшей от времени крышкой был портрет молодого человека с длинными чёрными локонами. Даже при тусклом свете огарка было видно, что незнакомец ослепительно красив. Такое лицо редко можно встретить. В нём было прекрасно всё – за исключением наглого циничного взгляда.

– Да ты настоящий красавчик! – подмигнул портрету Эжен. – Жаль, что кроме твоего смазливового лица в шкатулке больше нечем любоваться. Судя по кружевному воротнику и броши, ты был не бедным служащим вроде меня. Чего бы тебе не оставить парочку колец или золотых монет бедолаге, что вытащил тебя на свет? Хотя... цепочка... Ах, ты! Вот это уже дело! Конечно, ты бы не повесил своё изображение на скромный шнурок!

Бланшар с радостью подметил вес длинной цепочки; да, как ни крути она стоит приличных денег! Ну вот, находка оказалась не совсем уж никчёмной. Ради золотой цепочки можно было пострадать, пытаясь открыть крышку. Отлично! На вырученные деньги он сможет протянуть достаточно и, стало быть, дела его не так уж плохи. Улыбнувшись, Эжен почувствовал невыразимое облегчение и прилив бодрости. Стараясь двигаться тихо, он вытащил из шкатулки связанную пачку бумаг и, оглянувшись по сторонам, сунул её под тощий тюфяк. Пусть полежит тут, в конце концов, на старинные записи тоже найдутся покупатели на свете, достаточно помешанные на древних рукописях. Цепочку он старательно свернул и, завязав в замызганный платок, уложил во внутренний карман сюртука. Затем, закрыв шкатулку, как можно дальше задвинул её обратно в тайник. Если вещь принадлежит хозяину дома, то пока он разберётся, что ларчик опустел, Эжена здесь уже не будет. Проклятье! Дыра в стене так и бросается в глаза! Поразмыслив ещё немного, он воткнул гвоздь над кроватью, и, нажимая на него

каблуком башмака, вогнал как можно глубже. Теперь осталось лишь повесить на него сюртук и шляпу – и дыру совсем не видно. До завтра пусть побудет так, а потом он найдёт более разумное решение. Довольный своей ловкостью, Эжен только теперь заметил кулон с портретом, что так и остался на столе: он позабыл сунуть его в шкатулку.

– Ну и хорошо, – шепнул он себе под нос. – Кто бы ты ни был, красавчик, ты меня выручил. Я буду носить твоё изображение на шее в знак благодарности, – и тихо рассмеявшись, добавил: – Не обессудь, но теперь тебе придётся довольствоваться простым шнурком. Нырнув наконец в холодную постель, Бланшар впервые за несколько дней заснул спокойно и с его лица исчезло выражение тоскливой обречённости.

С самого утра Эжен направился подальше от своего квартала и, покружив не меньше часа по улицам, наконец, расстался с цепочкой. Вырученная сумма намного превзошла его ожидания, хотя и ювелир явно остался не внакладе, воспользовавшись тем, что молодой человек не слишком разбирался в ценах. Бланшар, состроив скорбное лицо, лихо поведал о наследстве от почившего дедушки. Но опытному покупателю хватило нескольких минут оценить вид продавца, чтобы засомневаться в его праве владельца старинной вещицы. Но ему не было никакого дела о том, как парень раздобыл цепочку. Главное, он согласился на цену, а уж за сколько её продадут после, не его ума дело. Выйдя из лавки ювелира, Эжен тотчас направился в магазин готового платья и обзавёлся скромным, но вполне приличным пальто, новой шляпой и простыми перчатками из шерсти. Но после покупки башмаков, решительно запретил себе пополнять скудный гардероб, эдак все деньги уплывут на тряпки, а продавать ему больше нечего. Довольный своей рассудительностью, он плотно пообедал в кабачке на внешних бульварах и решил отправиться домой. Не станет же он портить такой замечательный день поисками новой службы? По дороге, вспомнив о разорённой стене, юноша не долго думая купил унылые обои невзрачной расцветки по полтора су за кусок. Что проку завешивать дыру в стене, всегда есть риск, что хозяин заметит.

К себе Эжен вернулся нагруженный покупками. Он не забыл свечи, хлеба и ветчины, чтобы поужинать и даже прихватил бутылку вина отпраздновать свою удачу. Кое-как заделав пролом в стене, Бланшар успел до наступления сумерек оклеить всю стену. В плохоньком освещении стало почти незаметно перемен в комнатухе. Усталый, но в хорошем расположении духа, молодой человек налил себе полный стакан вина и, достав кулон с портретом, произнёс:

– Отличный выдался денёк, незнакомец! Ты наверняка принёс мне удачу, надеюсь, она не покинет меня долгое время. Уж чего-чего, а я её заслуживаю. Знаешь, красавчик, когда я разбогатею, непременно закажу твой портрет в солидной золочённой раме и повешу в гостиной на самом видном месте. А пока отправляйся за пазуху. Ах ты, второго шнурка у меня нет. Ну не беда, будешь по соседству с крестом, в конце концов, я не настолько набожен.

Когда за окнами совсем стемнело, Бланшар прошёлся из угла в угол и задумался. Ложиться спать ему совсем не хотелось, стало быть, придётся провести время изнывая со скуки. Жаль, что из экономии он не решился купить себе пачку бумаги. Мог бы заняться письмом. А не взглянуть ли на старинную рукопись? Он всё равно решился продать её антиквару. Будет обидно так и не узнать, о чём там поведано. Эжен положил стопку, перевязанную ленточкой, на стол и аккуратно развязал узел. Надо же, узкая полоска шёлка до сих пор источала тонкий аромат лаванды. Вот забавно, если это писала дама или юная девица, пожалуй, там немало сердечных тайн.

Бланшар вновь налил вина и, усевшись поудобнее, принялся за чтение. Однако прошло менее получаса, как снисходительное выражение его лица исчезло, сменившись жгучим любопытством. Молодой человек совсем перестал замечать холод, царивший в жалкой мансарде, и колченогий стул, что заставлял сидеть неестественно прямо. Свеча почти догорела, и тусклое пламя едва бросало отсвет на пожелтевшие листы бумаги. Но Эжен, то и дело облизывая пересохшие губы, жадно вглядывался в ровные строчки старинной рукописи. Спина и плечи

нестерпимо ныли, ноги успели совсем застыть, из носу текло. Однако юноша никак не мог прервать своего занятия и лишь изредка утирал пальцами свой многострадальный нос и вновь погружался в чтение.

– Чёрт тебя возьми, парень! Однако ты не страдаешь скромностью! – в полный голос воскликнул он, откладывая очередной прочитанный листок. – Может, ты и впрямь обладал красивой внешностью, но сказать откровенно, твои восторги превосходят все мыслимые границы. Да, ты похож на самовлюблённого павлина, хотя в отличном слоге и складном изложении тебе не откажешь.

Бланшар просидел за чтением едва ли не до рассвета и с явным сожалением отложил занятие, почувствовав, что глаза его невыносимо ломит от попыток разобрать тонкую вязь письма при свете оплывшей свечи. Скорчившись на узкой лежанке и пытаясь согреться, молодой человек продолжал размышлять над прочитанным. Так странно было узнавать о человеке, жившем лет сто назад. Прямо удача, что он не решился продать антиквару бумаги без того, чтобы самому сунуть в них любопытный нос. Ну и дураком бы он оказался! Записки оказались вовсе не любовной перепиской мечтательной девицы, а дневником, что решился вести юный отпрыск знатного рода забавы ради. Пожалуй, красавчик на портрете и есть автор записок. Судя по всему, парень был далёк от добродетели и чересчур откровенен. Сам Эжен никогда не решился бы на подобное разоблачение даже на бумаге. А этот мальчишка, обладатель титула и ослепительной внешности, спокойно выкладывал свои не слишком порядочные мысли и постыдные поступки. Чего стоят описания греха рукоблудия, которому частенько предавался юный Патрис Дефорж¹ с явным удовольствием. Бланшар собрался было нахмуриться, словно осуждая невидимого собеседника, но внезапно широко раскрыл глаза и замер. Проклятье! Как же ему сразу не пришла в голову спасительная мысль? А отчего бы не положить чужой дневник в основу собственной книги?

Сон мигом покинул Эжена, он присел на постели, прижав колени к животу и обхватив их руками. Да вот же оно прекрасное окончание всех его бед! Ведь единственный упрёк, что выказал помощник издателя, – отсутствие опыта и необходимых знаний о жизни. Что никак не позволяет придумать стоящий сюжет. Но теперь с этим покончено. На что ему тратить годы и просиживать за книгами в поисках необходимых сведений. Бог или его извечный противник преподнёс ему готовое решение всех проблем. Глупо будет не воспользоваться им. Хм, но ведь по сути, присвоив себе авторство чужих записок, он окажется вором и лгуном. Однако идея доказать своё мастерство одним махом и не прилагая ровным счётом никаких усилий была столь заманчивой, что Эжен мигом нашёл себе оправдание. Право же, кто сможет уличить его в краже? Автор дневника давно умер, да и сам текст не принадлежал перу именитого писателя, а всего лишь был личными записками. Стало быть, он волен распорядиться ими по своему усмотрению, без опаски быть пойманным за руку. Молодой человек ухмыльнулся и, откинув упавшую на лоб прядь волос, пожал плечами. Да, каждый на его месте поступил бы так же. Только недоумок, найдя старинный клад, озадачится поисками возможных наследников.

В замечательном бодром настроении Бланшар с самого утра отправился в лавку и купил увесистую пачку превосходной бумаги, чернил и солидный запас перьев, зачем-то прихватив ещё тяжёлое пресс-папье из поддельного камня. И только оказавшись в своей холодной комнате и пересчитав оставшиеся деньги, пришёл к неутешительному выводу, что рискует протянуть ноги с голоду, так и не успев создать великий шедевр. Вот горе! Мечта была так близко, всего-то сесть за стол и переписать чужую рукопись, добавив парочку своих предложений для связного текста. Но как ни крути, это потребует времени. Вырученные за цепочку деньги тают с каждым днём, а продать больше нечего. Ах, как бы его выручила смерть тётки! Чего лучше

¹ Персонаж романа «Джулиан. Возвращение» П. Монтера

поселиться в её доме да потихоньку тратить ренту, полученную в наследство. А уж потом он наверняка разбогатеет, издав роман.

Проходив по улицам несколько часов, Эжен вернулся в свою конуру, убедив себя, что никакой стоящей работы за столь короткий срок не найти. Не лучше ли потратить время на чтение так захватившего его дневника? Бланшар буквально чувствовал, что его неприятности разрешатся сами собой каким-то счастливым случаем. Ведь ему удалось получить материал для книги и в придачу цепочку, что принесла неплохие деньги. Должно быть, находка и есть заветный ключ к успеху. Он выудил из-за пазухи кулон и с любопытством взглянул на миниатюру.

– Ты весьма хорош, маркиз Дефорж дю Мерсье, – подмигнув, произнёс он вслух. – Хотя ты не слишком обременён моралью. Но мне нет никакого дела до этого, лишь бы твои записи помогли мне, а больше от тебя ничего не требуется, – с этими словами Эжен наполнил стакан вином и, накинув пальто, чтобы не дрожать от холода, принялся за чтение. На церкви Святого Роха давно пробило полночь, а он, застыв на неудобном стуле, продолжал пристально вглядываться в записи. Вскоре лицо его покраснелось, и, несмотря на давно прогоревшие угли в остывшей печке, Бланшар скинул пальто прямо на пол. Он больше не дрожал от холода, напротив, застиранная рубашка буквально взмокла от пота.

– Вот чёртов развратник! Да ты, видно, умом тронулся! – воскликнул молодой человек, облизнув пересохшие губы. – Если то, что ты написал – правда, тебе место в доме для умалишённых! Святой Гуго! Воспылать страстью к мужчине, да ещё отдаться ему! Нет, это невозможно! Вот мерзость! Тьфу, счастье, что я не вздумал поесть, иначе меня бы вывернуло наизнанку! Экий пакостник, да ты просто скотина! Ну и наглость, во всех подробностях расписать проведённую с ним ночь. Однако у тебя вовсе нет ни капли стыда. Бедняга твой папаша, его точно хватил бы удар, узнай он о твоих проделках. Да и твой любовник хорош. Знатный человек с отличной фигурой и прекрасным лицом, молодой, и судя по всему, богач, связался с мальчишкой, вместо того, чтобы найти приличную партию и завести семью. Хотя чему удивляться, кажется, он не лучше тебя и также питает слабость к разврату. Вы оба омерзительны, как и ваши отношения!

Бланшар, кипя от возмущения, ещё долго плевался и шёпотом поносил наглых любовников, но стоило ему улечься и закрыть глаза, как перед ним тотчас возникли непристойные сцены. Два молодых человека в алькове страстно ласкали друг друга, вытворяя такое, отчего краска заливала худощавое лицо бедняги Эжена, заставляя сердце биться чаще. И, к его совершенной досаде, вызвало сильное возбуждение. Оно нахлынуло внезапно ихватило его целиком. Эх, не будь он стеснён в деньгах, бросился бы на улицу, несмотря на ночь и отвратительную погоду, в поисках потаскушки. Бедолага более получаса ворочался на узкой постели, безуспешно пытаясь справиться с эдакой напастью и, в отчаянии сжав губы, отстегнул клапан изношенных брюк.

Утром, сгорая со стыда, он долго не решался взглянуть на своё отражение в крошечном зеркале. Ему казалось, что на лице явно застыло похотливое выражение вчерашнего прилива страсти. Бланшар шёпотом изругал себя за слабость, уверенный в том, что больше подобное не произойдёт. В конце концов, он должен прочитать дневник паршивого юного развратника до конца только ради своей будущей книги. Но эти клятвенные заверения пропали даром. Стоило ему взять пожелтевшие листки, как всё повторилось. Слишком уж откровенно и на удивление привлекательно маркиз Дефорж описывал постельные сцены. Бланшар почувствовал настоящую зависть, запретные темы выходили из-под пера развязного юнца изящно и легко. Самому Эжену так не суметь. Да кроме того, всё вновь упёрлось бы в отсутствие опыта. Чем он мог похвастать? Короткими встречами с дешёвыми шлюхами? Всё происходило второпях, не принося особого удовольствия, и после оставляло не сладкий дурман наслаждения, а непреодолимое желание вымыться. А свидания самовлюблённого мальчишки маркиза заставляли Бланшара смаковать подробности несколько ночей кряду, вызывая новый прилив плотского

желания, справиться с которым несчастному приходилось старым испытанным способом – при помощи рук. Проклятый Патрис так ловко строил предложения и фразы, что читатель едва ли ни воочию следил за происходящим. Эжен буквально видел блестящие от пота тела, слышал тяжёлое дыхание, сладострастный шёпот и стоны. И хотя он ясно понимал, что связь двух мужчин таит в себе низменный грех, и по всем законам противоестественна, ничего не мог с собой поделаться. Должно быть, маркиз Дефорж, кроме завидного причинного места, обладал мощным писательским даром.

Ночью вновь повалил густой снег, и в убогой комнате стало светлее. Это было весьма кстати, с тех пор как Бланшар начал экономить на свечах. Ему пришлось встать вплотную к грязному оконцу, чтобы прочесть очередные страницы дневника.

– Ах, дрянь! – громким шёпотом воскликнул он, откладывая прочитанный листок. – Не думал, что кроме вечного желания телесных наслаждений ты отважишься на убийство! Это ужасно – отравить родного отца! Ну, парень, ты ещё хуже, чем я мог предположить! Быть развратником одно, а стать убийцей – совершенно другое. Конечно, я понимаю, твой папаша был слишком строг и зануден, но неужели свобода может добываться столь страшным способом?

Эжен лёг на кровать и задумался. Маркиз, несомненно, заслуживает каторги, или петли. Хотя... взять самого Бланшара – сколько раз он мечтал о смерти тётки? Да, но он же не собирался её убивать, а она заслуживает такого поступка гораздо больше, чем несчастный папаша Дефорж. Он закрыл глаза и тяжело вздохнул. Вновь красавчику Патрису повезло: яд, что принёс его любовник, не оставлял следов и, стало быть, опасаться разоблачения не приходилось. Хм, а будь такой яд у него самого, решился бы он на преступление? Эжен закинул руки за голову и уставился невидящим взглядом в закопчённые балки потолка. И уже засыпая, он вдруг подумал: найдись только вариант совершить похожее преступление без опаски угодить на виселицу, он непременно воспользовался бы им.

С этой ночи в душе молодого человека произошло изменение. Словно за несколько часов из вечно хмурого неудачника он чудесным образом превратился в хладнокровного человека, что готов идти к цели любым путём. Ему казалось, что автор дневника вместе со своим любовником, так же не отличавшимся добродетелью, прочно поселились в нём, исподволь нашёптывая самый верный способ решения. Иначе как объяснить, что все его шаги стали рассчитаны до малейших деталей? Право же, он никогда не мечтал завести друзей, ибо не видел в дружбе ничего стоящего. Но быть в приятелях героев дневника согласился бы без раздумий.

Побродив с четверть часа возле дома тётки, Бланшар дождался служанки, выходящей за провизией.

– О, Вероник! Как поживаешь? – добродушно улыбнувшись, воскликнул он.

– Ах, сударь! – удивлённо вскинула глаза девушка. – А мадам решила, что вы давно скончались с голоду. Представляю, как она рот откроет от удивления, расскажи я о встрече.

– Оставь, глупая. Ей вовсе незачем знать. Пусть думает, как угодно. Я и не собирался напрашиваться с визитом. Совсем другое дело привело меня к дому, – при этих словах, Эжен постарался придать голосу смущение.

– Искали работу, сударь? – с любопытством спросила служанка.

– Нет, Вероник, – грустно покачал головой Бланшар. – Ты не поверишь, но я... я искал встречи с тобой.

Девушка приоткрыла рот, и невзрачное лицо её порозовело.

– Послушай, Вероник, сделай мне одолжение, неподалёку неплохой кабачок, мне хотелось бы поболтать с тобой немного и угостить стаканчиком вина.

Служанка тупо помолчала, перекладывая корзину из одной руки в другую, но, оглянувшись по сторонам, согласно кивнула. Она семенила рядом с высоким спутником, пытаясь понять, с чего на неё свалилось столь заманчивое приглашение. И, поглядывая на Эжена, убеж-

дала себя, что парень он вполне симпатичный, и хотя он худ, словно колодезный журавль, пальто скрывает это недоразумение. Теперь ей казалось, что и слишком длинный нос вовсе не смешон и придаёт своему хозяину благородства. Уж куда лучше свиного пяточка подручного зеленщика, что вечно насмехается над ней. Вероник не могла похвастать успехом даже среди кучеров и ремесленников. Если на неё и обращали внимание, то только двух случаях: или ухажёр едва держался на ногах хватив лишку, или когда все более смазливые работницы давали незадачливым искателям амурных приключений от ворот поворот. И теперь она таяла от радости, представив, как все разинут рты, узнав о её воздыхателе. Ах, господин Эжен так проникновенно рассказывал о своих чувствах. Никакого сравнения с грубыми мужицкими ухватками простых работников.

Эжен шёл домой, насвистывая весёлую песенку. Чёрт возьми, получилось! И первый шаг оказался проще, чем он ожидал. Удивительно, как женщины охотно развешивают уши. Эта белобрысая дурочка проглотила всю ложь и не поморщилась. Со смеху помрёшь, как быстро девицы верят любым рассказам, стоит только скорчить жалобную мину да начать лепетать про чувства. Пожалуй, во многом циничный любовник маркиза прав. Люди так наивны и не воспользоваться этим глупо. Молодой человек настолько гордился собой, что только оказавшись дома и пересчитав оставшуюся наличность, от души пожалел об истраченных на угощение Вероник деньгах. Больше ничего из его поступков сожаления не вызвало. Ну что же, пусть сегодня он выбросил на ветер четыре франка, дайте срок, – он сможет швыряться деньгами направо и налево.

Бланшар сам не заметил, как вовсе перестал возмущаться поступками героев дневника. Он стал находить их вполне приемлемыми и подчас даже забавными. Эжен с полным равнодушием отнёсся к тому, что вслед за отцом развязный наглец маркиз спровадил на тот свет зятя и сестру вместе с новорождённым младенцем. Он лишь пожал плечами. Если парень твёрдо озаботился стать единственным владельцем состояния, то чему же удивляться? Больше он не сострадал родне юного негодяя, а даже оправдывал его. Что и говорить, юный маркиз нашёл себе недурного учителя. Джулиан² был просто очарователен со своими едкими циничными размышлениями и насмешками над моралью. Каждая его фраза стоила того, чтобы вызубрить её наизусть и принять, как руководство к действию.

– Что-то мне сдаётся, что сеньор герцог сам дьявол во плоти, – пробормотал Бланшар, откладывая дневник и готовясь ко сну. – Только наивный дурачок, вроде тебя, Патрис Дефорж, мог этого не заметить, – и, упиваясь своей прозорливостью, молодой человек спокойно заснул.

Через неделю, к радости Эжена, Вероник, польщённая ухаживанием племянника хозяйки, отважилась на встречи под покровом ночи. Бланшар уверял, что изнемогает от любви, но никак не может пригласить возлюбленную к себе. Он живёт в приличном месте, и привратник, злющий старикан, страдает бессонницей. Жаль, но тайком проникнуть в дом нет никакой возможности. А тётка, хоть и отличается вздорным нравом, хлебнув микстуры, спит всю ночь напролёт, как убитая.

Комната служанки показалась Бланшару гораздо уютнее, чем его собственное жилище. По крайней мере, там было тепло и довольно чисто. Но кровать Вероник едва ли была шире лежанки молодого человека – разве что одеяло толще да простынь крепче. Эжен ни раз чертыхнулся про себя. Изображая пылкого любовника, он успевал наставить себе синяков на локтях и коленях, задевая спинку кровати и стену. Женские прелести служанки не слишком тронули его чувственность. Он утешался тем, что попросту заполучил женское тело даром. Задыхаясь в тесноте и прижавшись к любовнице, в страхе скатиться на пол, Бланшар кривил губы. Бедняжка Вероник, её грудь не торчала двумя аппетитными полушариями, как у дам и девиц в замке маркиза, а дрожала, словно желе, при каждом резком движении. Кожа грубая и шер-

² Персонаж романов «Джулиан» и «Джулиан. Возвращение» П. Монтера

шавая, особенно на локтях и ладонях. И родинка на животе вовсе не выглядела пикантно, но напротив, вызывала у него брезгливое чувство, словно грязное пятно, о которое он может запачкаться. И дотронувшись до её вялых бёдер, он ни с того ни с сего вспоминал целые абзацы дневника, где Патрис с упоением описывал свой упругий зад, которым так восхищался герцог. И только окончательно возбуждись от картин чужой, порочной страсти, Эжен бесцеремонно наваливался на млеющую от любви служанку.

– Ах, дорогая, – уворачиваясь от поцелуев любовницы, пробормотал Бланшар. – Знаешь, что бы я сделал, имея приличное состояние?

– Верно, купил себе что-нибудь, – томно вздохнула девушка.

– Нет, милая. Я женился бы на тебе! – с фальшивым пафосом воскликнул молодой человек.

– Ой, Эжен! – сдавленным шёпотом воскликнула служанка, кидаясь на его тощую грудь и осыпая его лицо и руки поцелуями.

Бланшар вновь поспешил увернуться, делая вид, что хочет поправить сползшее одеяло.

– Да, любимая! Я желал бы этого больше всего на свете. Конечно, я не жду смерти тётушки – это было просто непорядочно. Но вообрази только, как чудесно мы зажили бы в этом доме, где ты стала бы хозяйкой, а не прислугой.

– А-а-а, – разочаровано протянула Вероник. – Мадам только напрасно жалуется на вечные хвори, а меж тем она в добром здравии и едва ли не каждый день уверяет, что всё наследство отпишет приходу.

Эжен скрипнул зубами от злости, но подавив приступ гнева, как можно спокойнее произнёс:

– Моя дорогая, разве это справедливо? Мы с тобой молоды и так любим друг друга, но влачим жалкое существование. Ведь теперь мы даже не можем обвенчаться. Тётушка наверняка выгонит тебя из дому, узнав об этом. Мой домовладелец предпочитает сдавать квартиры лишь одиноким людям. Нам придётся снять убогую комнатку и надрываться на работе целыми днями. В щели будет нести холодом, по стенам в дождь начнёт сочиться вода, под ногами станут шмыгать крысы. Бр-р-р, это ужасно, ужасно! Я никогда не смогу обречь тебя на такую жизнь. Лучше оставь меня, Вероник! И пусть моё сердце разорвётся от боли, я умру с улыбкой, в память о нашей любви! – добавил он так кстати пришедшую на ум фразу из плохонькой пьесы, что ему довелось видеть в прошлом году.

Служанка округлила глаза, и рот её приоткрылся. Ну и красивые речи произносит Бланшар! Сразу видно, что не какой-то деревенский увальень или жалкий работник-пьянчужка. Пожалуй, ей сильно повезло, что связалась с таким умным господином. Никто из её окружения не смог бы так лихо завернуть. За одну эту речь стоит терпеть все неудобства и пустые карманы любовника. Пусть он давно перестал приглашать её в кабачок и ни разу не принёс даже маленького подарка. А напротив, жадно съедает всё, что она тайком уносит с хозяйской кухни.

– Ой, Эжен! Зачем же тебе помирать? Ведь мы так хорошо проводим время у меня.

– Нет, дорогая. Если я не в силах составить твоё счастье, мне незачем жить. Прощай, но помни, что сердце моё разбито навеки! – страдальчески добавил он, отчаянно пытаясь припомнить ещё парочку слезливых фраз из романов.

Прозрачные глаза Вероник наполнились слезами. Бланшар смотрел на любовницу из-под полуприкрытых век. Вот дура набитая! Сколько же можно намекать и ходить вокруг да около? Не пырнуть же себя ножом, чтобы в голове у глупой гусыни прояснилось?

– Эжен! – пылко воскликнула служанка, прижавшись к нему всем телом. – Если бы я хоть что-то смогла сделать! Клянусь, ради тебя я готова на всё!

«Ну наконец-то, простофиля ты эдакая», – язвительно подумал Бланшар и, сделав вид, что основательно задумался, картинно нахмурил брови и прикусил губу.

– Вероник... я и сам готов на всё ради нашей любви. Даже... даже на преступление, лишь бы знать, что ты счастлива! – хрипло пробормотал он. – Я непременно найду выход, но обещай, что ты примешь его, каким бы он ни был.

– Клянусь всеми Святыми! – с готовностью кивнула девушка, осеняя себя крестом.

– Как я тебя люблю, милая, – нежно проворковал Бланшар. – Иди ко мне... – он обнял служанку, закрыл глаза и представил себе огромную постель, где на сбившейся простыне юный маркиз и экономка герцога страстно предавались любви в совершенно непристойных позах.

Конечно, Эжен откровенно лгал, что станет искать решение. С тех пор как исподволь, незаметно для него самого, дневник маркиза пропитал его ядом вседозволенности и окончательно похоронил любое понятие о морали, дьявольский план давным-давно созрел. И осталось лишь воплотить его в жизнь.

Теперь, возвращаясь к себе и стуча зубами от холода в своей неприглядной комнатёнке, принуждённый экономить даже на мерке угля, Бланшар совсем перестал испытывать чувство обречённости. Он настолько уверовал в успех, что воспринимал настоящее как досадное неудобство и не более того. Он также жадно погружался в записки маркиза, искренне восхищаясь его откровенной наглостью и жизнью, состоящую сплошь из гнусных, разнузданных развлечений и забав. Эжен позволял себе в полный голос хохотать над вздорными выходками потерявшего всякий стыд юнца. Рассказ о пари насмешил его до слёз. В прекрасном изложении молодого мерзавца даже скабрёзные поступки выглядели очаровательно. Право же, это действительно забавно. С тех пор как герцог поселился в родовом замке маркиза и притащил свою свиту, обитатели поместья словно старались перещеголять друг друга в непристойностях. Юный Патрис перебрал с вином в компании двух таких же оболтусов из свиты Джулиана. И видно, не от большого ума, а то и попросту от скуки эти шалопаи прямо в саду предались греху рукоблудия, поспорив, кто продержится дольше. Проигравшему следовало прогуляться по всему замку, заполненному титулованными особами, голышом. Излишне чувственный маркиз пришёл к финишу первым и под улюлюканье дружков, сбросив всё до последней нитки, направился в замок. Молодые оболтусы шли за ним, отпуская сальные шуточки, уверяя, что от вида красавчика Патриса даже у деревьев встают ветки. Бланшар, как всегда, слишком живо видел всю картину и корчился от смеха над словами молодых развратников. Вот чёртов парень! Как ему удаётся так ловко излагать любую ерунду? Но стоило ему встретиться с Вероник, он мигом придавал лицу грустное выражение страдальца и так вздыхал, что служанка опасалась за его здоровье.

– Взгляни, любимая, – судорожно вздохнув, пробормотал он. – У меня получилось достать точно такую же бутылку, как у тётки. Ты хорошо запомнила, что тебе следует делать?

– Да, – побледнев, ответила девушка.

– Помни, дорогая, если сделаем всё, как договорились, нам ничего не грозит. А если что-то сорвётся, я пойду на виселицу один, но твоё имя не назову даже под пытками! – с пафосом воскликнул он.

– Милый Эжен! Я готова идти до конца и тоже тебя не выдам! – горячо заверяла служанка.

И вот решающий час пробил. Бланшар прогулялся по внешним бульварам, искоса бросая взгляд на огромный циферблат в часовой лавке. Затем быстрым шагом направился к дому тётки, напротив которого расположилась книжная лавка Сержа Пуассона. Там он с вниманием перелистывал книги и просто извёл хозяина вопросами, словно въедливый читатель, что не решается заплатить, пока не убедится в ценности товара. А когда Пуассон склонялся над книгой, он бросал быстрый взгляд в окно, выходящее на подъезд нужного ему дома. Наконец, дверь распахнулась, и Вероник с воплями выскочила на улицу. Служанка визжала, как поло-

умная, и звала на помощь. Не прошло и пяти минут, как лавочники и случайные прохожие сгрудились возле неё.

– Что там случилось? – невозмутимо проронил Бланшар, делая вид что прислушивается.

– Не знаю, сударь, – озабоченно бросил Пуассон. – Но думаю, следует взглянуть.

Эжен, стараясь унять внутреннюю дрожь, придал лицу выражение любопытства и поспешил за хозяином. Вероник заламывала руки и, всхлипывая, просила помощи. С мадам что-то произошло, она внезапно побелела, вытаращила глаза и завалилась в кресле набок. А теперь она хрипит и не может произнести ни слова.

– Да, надо же послать за доктором! – послышалось в толпе зевак.

– Да, да, скорее пошлите за доктором. Вон, мальчишка Лавиней мигом сбегает за ним!

– Что-то с тётушкой Октавией?! – старательно округлив глаза, воскликнул Эжен.

– Ах, сударь! Господин Бланшар, – сбивчиво забормотала служанка. – Прошу вас, пойдите со мной, я просто помру со страху, если войду в дом одна!

Молодой человек нерешительно переминался с ноги на ногу, поглядывая на соседей, словно ища поддержки и совета. Меж тем, привлечённый шумом, к ним направлялся полицейский сержант, толстяк Трюбло. Промокнув вспотевший от быстрой ходьбы лоб, он выслушал словоохотливых соседок и важно произнёс:

– Сударь, если не ошибаюсь, вы племянник хозяйки? Думаю, вам и впрямь следует пройти в дом. А что, за доктором послали? – обернувшись к зевакам, уточнил он.

Эжен нарочно держался позади сержанта, делая вид, что вовсе оторопел и не понимает, что произошло. Вероник двигалась следом, хныча в поднятый фартук. Почти у самой двери тёткиной комнаты Бланшар, чуть приотстав, отвёл подрагивающую от волнения руку назад и раскрыл ладонь, словно для подаяния. Служанка быстро опустила в неё бутылку и вновь захныкала, громко шмыгая носом. Эжен незаметно сунул бутылочку во внутренний карман пальто.

Старуха была мертва. Это было понятно и без вердикта врача, что прибежал минут через пять. Ему осталось только написать свидетельство. Возле кресла валялась склянка зелёного стекла, которую сержант, пыхтя от усердия, старательно осмотрел со всех сторон.

– Что это? – хмуро спросил он.

– Микстура хозяйки, – испуганно прошептала Вероник. – Она принимала её несколько лет.

– Да-да, господин сержант, – кивнул Бланшар. – Тётя Октавия пила эту настойку давно, аптекарь готовил её каждый месяц. Кажется, в составе был можжевельник, но точнее я не могу сказать.

– Я отдам бутылку в полицейский участок, – заявил Трюбло. – И опрошу аптекаря.

– Делайте всё, что считаете нужным, сударь, – скорбно поджав губы, покачал головой Эжен, чувствуя, как на висках выступил пот. – Ах, бедная тётя! Я даже не успел попросить прощения.

– Прощения? О чём вы, сударь? – насторожился сержант.

– Видите ли, господин Трюбло, – нарочито вздохнул молодой человек. – Тётушка не одобряла моего занятия литературой. Ей хотелось бы видеть меня приказчиком в магазине готового платья. Мы так повздорили, что от обиды я не навещал её больше трёх месяцев, о чём сейчас горько сожалею.

– Да-да, – всхлипнув, торопливо бросила служанка. – Господин Бланшар не показывался у нас давно.

– Странно, отчего вы оказались возле дома родственницы именно сегодня? – сверля юношу взглядом, спросил сержант.

– По чистой случайности, – пожав плечами и как можно более открыто глядя на него, ответил Эжен. – Я был в книжной лавке Пуассона, хотел купить необходимую для работы

книгу. Да, можете спросить его самого, мы вместе вышли на улицу, когда Вероник начала кричать.

– Хорошо, его я также допрошу, – важно кивнул Трюбло.

В это время явились два карабинера, сержант вкратце изложил им суть дела. И к огромной радости Эжена, кивнув в его сторону, пояснил:

– Это племянник хозяйки, он зашёл в дом вместе со мной.

Все дальнейшие события показались Бланшару чудесным сном. Знай он раньше, что всё так легко сойдёт с рук, давным-давно отправил бы старушеницу на небо и жил припеваючи. Все соседи в один голос подтвердили, что он не появлялся у любимой тётушки с начала осени. Ведь о его ночных визитах к Вероник они не знали. Аптекарь доказал, что мадам Фуке более десяти лет покупала настойку, которую он готовит по одному и тому же рецепту. Да и зачем ему травить покупателей, его репутация слишком хороша, чтобы в один миг испортить её подобным промахом. Кстати пришлось и показания владельца книжной лавки. Да, господин Бланшар проторчал у него больше часу, изводя вопросами. И они вместе стали невольными свидетелями несчастья. В бутылке, отданной сержантом в участок, также не обнаружили ничего сомнительного, обычная настойка можжевельника с анисовым маслом и сахаром. А склянку с ядом, что ловко подменила служанка, Бланшар тайком выкинул в реку. Теперь главная улика надёжно погребена на илистом и грязном дне и, стало быть, руки молодого человека развязаны. Должно быть, ему и впрямь оказали поддержку прислужники дьявола: врач, осматривающий покойницу, то ли по неопытности, то ли от лени, не усмотрел явных признаков отравления, сочтя, что старуха всего лишь подавилась питьём.

В свой новый дом Эжен взял только дневник маркиза, заботливо припрятанный в книгу, из которой он без всякой жалости выдрал страницы. Зайдя в комнату тётки, он, озираясь, вынул из секретера один из ящичков и, надломив заднюю стенку, уложил пачку драгоценных записей. И только после этого с удовольствием осмотрелся. Надо бы сменить обстановку, он не желает коротать дни среди безвкусицы, с которой старуха обставила дом. Пусть квартира не велика, но вполне прилична. Уж во всяком случае, не жалкая мансарда в нищем квартале.

Он так размышлял, представляя новые портьеры и мебель, что даже не услышал, как служанка зашла в комнату. И когда её руки легли ему на плечи, он вздрогнул со страху и раздражённо воскликнул:

– Ты с ума свести меня хочешь?! – но, глядя в округлившиеся от удивления глаза Вероник, взял себя в руки и нежно шепнул: – Ах, дорогая, я так переживал, как всё пройдёт, что право же, совершенно измучен.

Служанка счастливо вздохнула и прижалась к его груди.

– Эжен, видишь, я сделала всё, как ты хотел. Я так люблю тебя!

– Да, милая! Всё чудесно, лучше и ожидать нельзя. Однако нам просто повезло, что старуха не успела оставить завещание. Иначе все труды пошли бы насмарку. А теперь я единственный наследник.

– Когда закончится траур, мы сможем обвенчаться, – мечтательно пробормотала Вероник.

Бланшар едва подавил желание отшвырнуть женщину от себя. Как же, жди! Он не дурак, чтобы связать себя узами брака с жалкой деревенщиной! Да с чего ему жениться в столь молодом возрасте? Ко всему, сейчас его цель – приняться за роман, что сделает ему имя и солидное состояние. А уж тогда у него отбоя не будет от невест с хорошим происхождением и щедрым приданым. Он брезгливо посмотрел на прижавшуюся к нему девицу. Вот дура! Чего она о себе возомнила? Была бы хоть посмазливей и помоложе, возможно, он оставил бы её как любовницу, что не требует больших расходов, а теперь... Но до поры до времени придётся терпеть её надоевшие нежности и изображать влюблённого. Пока его положение слишком шатко, не сле-

дует грубо и резко рвать эту связь. И, оказавшись с Вероник в постели, Эжен вновь и вновь представлял оргию, что устроил проказник Патрис с двумя дамами одновременно. Вот счастливчик, однако он умел недурно развлечься. Бланшар отодвигался как можно дальше от надоевшей любовницы и мечтал, что, разжившись большими деньгами, воспользуется услугами самой дорогой Парижской потаскухи. О-о-о, уж тогда он насладится с лихвой, непременно заставив красотку ласкать себя губами и языком, в точности, как описывал маркиз Дефорж в своём дневнике.

Не желая терпеть навязчивость служанки, Бланшар пылко убеждал её, что о свадьбе пока не может быть и речи. Ведь в квартале тотчас возникнут лишние подозрения. Пусть все думают, что Вероник всего лишь продолжает служить племяннику, как прежде служила его тётке.

Теперь он старался вставать рано и, сытно позавтракав, усаживался в хорошо натопленной комнате за купленный недавно массивный дубовый стол и принимался за работу. Что и говорить, корпеть над рукописью в уютном доме ни шло ни в какое сравнение с мучительными попытками в убогой конуре. Когда ноги упирались в козлы стола и спина нестерпимо ныла от неудобной позы. Из носу текло, а зубы выбивали дробь. Пожалуй, помощник издателя был прав, говоря, что занятие литературой – удел богатых людей, а для тех, кто вынужден заботиться о куске хлеба – это непозволительная роскошь. Служанке было строго-настрого наказано не отвлекать его по пустякам и лучше вовсе не являться в кабинет, пока он сам не сочтёт нужным позвать. Эжен вновь нагромоздил целые потоки лживых объяснений, что сочинял с неменьшим вдохновением, чем работал над рукописью. Разве она не хочет, чтобы он прославился? Неужели стать женой знаменитого писателя хуже, чем супругой скромного рантье? В конце концов, он старается не только для себя. И Вероник счастливо вздыхала и промокала подступившие к глазам слёзы всякий раз, когда молодой человек бросал высокопарные фразы. Она покорно кивала в готовности угождать любимому, оставаясь в тени.

Когда Бланшар прочёл несколько страниц собственной рукописи, то едва не вскрикнул в полный голос от охватившего его восторга. Да! У него получилось! Это совсем не похоже на предыдущие скромные заметки. Ему удалось чётко сохранить стиль, и повествование шло так гладко и естественно, словно автором был умудрённый сединами маститый писатель, а не бедный молодой человек двадцати трёх лет от роду. При этом он начисто отбросил то, что его собственных фраз не набралось бы и на абзац. И вся его заслуга, что изредка меняя слова в предложениях и добавляя короткие фразы, он не испортил исходный текст. Но, глядя на несколько страниц написанных собственным почерком, Бланшар испытал настоящее счастье. И, не в силах сдержаться, вскочил с места и бросился в кухню.

– Вероник! Ах, моя дорогая! – крикнул он, заключив оторопевшую служанку в объятия.

Девушка уставилась на него и приоткрыла рот. Бедняжка не отличалась быстротой мысли и никак не могла сообразить, как ответить на эдакое проявление чувств. Но Эжену вовсе не нужен был её лепет. Он наслаждался своим, хоть пока и небольшим, триумфом и искренне хотел разделить его с ней.

– Послушай, милая, к сожалению, мы не сможем сходить в ресторан: ни к чему, если нас увидят вместе, но никто не мешает нам поужинать дома, побаловав себя парочкой изысканных блюд и хорошим вином.

– Как тебе будет угодно, – пробормотала окончательно смущённая Вероник. А что, пожалуй, молодой человек не зря устраивает праздник, возможно, он хочет поговорить о свадьбе? И как положено приличным господам решил обставить это событие по-особенному. Она мигом поспешила за покупками, а Бланшар вернулся к себе и ещё несколько раз, с явным удовольствием, перечитал исписанные аккуратным почерком страницы.

Ужин в жарко натопленной тёткиной гостиной с поданными к столу устрицами, снежками на десерт и несколькими бокалами вина совершенно расслабил молодого человека. Кажется, он и впрямь вообразил себя солидным господином. Бросив взгляд блестящих от вина

глаз на служанку, что сидела неестественно прямо в страхе выказать себя деревенской невежей и капнуть на единственное нарядное платье, Эжен вскинул голову и шепнул:

– Я хочу тебя, Вероник, иди ко мне.

Девушка зарделась и с готовностью поднялась из-за стола. Но Бланшар не собирался покидать гостиную, его одолело странное желание почувствовать себя свободным от всяких условностей, побороть собственную застенчивость и стыдливость, словно бросая вызов воспитанию и негласным нормам поведения. Но служанка, хоть и не была невинной девушкой, никак не могла заставить себя пойти на уступки, и если поначалу она мягко упрашивала подняться в спальню, то потом и вовсе начала вырываться из объятий любовника.

– Да отпусти меня! Слышишь, отпусти, – задыхаясь, твердила Вероник. – Не могу я быть здесь, да и светло как днём, давай хотя бы погасим свечи!

Но Эжен не собирался отступать от задуманного и стал проявлять грубость, пытаясь добиться желаемого хотя бы силой. В итоге любовники разругались в пух и прах, и праздничный вечер был окончательно испорчен. Девушка, всхлипывая, направилась в кухню мыть посуду, а взбешённый Бланшар, соорудив обиженную гримасу, покинул дом, громко хлопнув дверью. Как только он оказался на улице, хорошее расположение духа вновь вернулось к нему. И, сунув руку в карман пальто, где лежали деньги, приготовленные на расходы по хозяйству, он ухмыльнулся и свернул в переулок, где в скудном свете одинокого фонаря прогуливались девицы. Эжен медленно прошёлся из конца в конец, бросая оценивающие взгляды. Ему нравилось, что потаскушки смотрят на него с надеждой, стараясь выпрямить спину, чтобы ткань безвкусного кричащего туалета ту же облегла грудь. Наконец, он остановился напротив девушки с забавными рыжими кудряшками кокетливо торчащими из-под поношенной шляпки. Она показалась Бланшару довольно хорошенькой и совсем юной. Не произнеся ни слова, молодой человек согнул руку и потаскушка ловко просунула свою.

– Сколько? – без всякого вступления спросил молодой человек.

– Три франка, – ответила она, теснее прижимаясь к спутнику. – И полфранка за комнату.

– Хм, годится, – кивнул Эжен.

Оказавшись в номере дешёвой гостиницы, он, наконец, как следует разглядел девушку. Она и впрямь была довольно миловидной. Лицо не успело поблекнуть, и лёгкая, словно пыльца, россыпь веснушек на скулах и чуть вздёрнутый изящный нос придавали её облику задорное выражение. Конечно, сама обстановка затрапезной комнаты не слишком воодушевляла Эжена, но желание заставило закрыть на жалкий антураж глаза.

– Как тебя зовут? – снимая шляпу спросил он.

– Маргарита, сударь, – бросила девушка, развязывая тесёмки на юбке. – Вы погасите свечу?

– Нет.

– Как угодно, – равнодушно пожала плечами потаскушка. Она застыла перед Бланшаром в одной сорочке, сомнительной свежести. Опустив руки и не выражая никакого интереса.

Эжен заметил, что кожа у неё тонкая и нежная, а распущенные рыжие волосы, свободно спадавшие на спину и плечи, при отблесках пламени принимают красноватый оттенок. Он снял сюртук и сел на край кровати, покрытой полинявшим от частой стирки покрывалом. Девушка направилась к нему и уже совсем собралась улечься, как Бланшар схватил её за руку.

– Не так, – отрывисто бросил он.

Девушка удивлённо приподняла бровь.

– Я хочу, чтобы ты ласкала меня губами, – произнёс он, обмирая от собственной лихости.

– Тогда вам придётся добавить ещё один франк, – без смущения ответила она.

– Хорошо, – внезапно охрипшим голосом сказал молодой человек и закрыл глаза.

Но когда потаскушка опустилась перед ним на колени и обхватила руками за бёдра, Эжен вздрогнул. Неведомое прежде ощущение едва не заставило его лишиться чувств. Неимовер-

ным усилием воли он заставил себя раскрыть глаза, словно скряга, что боится упустить хотя бы каплю удовольствия щедро оплаченной услуги. Бланшар изнемогал от нахлынувшего наслаждения. Ему казалось, что возбуждение попросту разорвёт его на куски. Во рту пересохло, он через силу втягивал воздух сквозь плотно сжатые зубы. Ах, чёртова шлюха, она точно решила его убить! Сердце колотится почти у самого горла, заставляя его издавать глухой и протяжный стон. Начисто утратив возможность ясно мыслить, Эжен сжал голову девицы руками, в желании оттолкнуть от себя, или напротив, сильнее прижать к своему телу. И вдруг она резко отпрянула, а худощавое тело молодого человека содрогнулось в сладчайшей конвульсии, заставив вскрикнуть в полный голос. Он опрокинулся навзничь и тяжело дышал широко открытым ртом, чувствуя, как мышцы живота продолжают сжиматься, словно выталкивая последние капли удовольствия.

Голова кружилась, влажную от пота грудь пробирал легкий холодок. Эжен медленно выпрямился и взглянул на девицу, продолжавшую сидеть на полу.

– Ну и дела, сударь, – протянула Маргарита, утирая шею и грудь углом простыни. – Я едва не задохнулась, к тому же вы угодили мне прямо в лицо. Стоило бы взять с вас на два франка больше.

Эжен ошупью нашёл валявшееся в углу постели пальто и, вынув деньги, не глядя бросил потаскушке.

– Бери и отправляйся к дьяволу, – вяло проронил он, вновь падая на спину и закрывая глаза. Несколько минут он слышал шуршание ткани, лёгкие шаги и наконец скрип затворяемой двери. Маргарита больше не интересовала его, он ничего к ней не чувствовал, ни расположения, ни малейшей благодарности. Ему казалось, что искренней благодарности за доставленное удовольствие заслуживает только один человек: юный негодяй Патрис Дефорж. Бланшар был твёрдо убеждён, что только непристойные откровения развратного маркиза, сняв все негласные правила и запреты, позволили ему оценить прелесть порока. Хорош бы он был, мучая себя ограничениями из нудных, с детства насаждаемых добродетелей. Эдак можно до старости не узнать ничего стоящего. И на смертном одре упиваться, что вёл безгрешную жизнь. К чёрту! Он достоин получить все мыслимые и немыслимые удовольствия, а хороши ли они в глазах окружающих, его не трогает. И если примером поведения для него стал не добропорядочный святоша, а наглый циник без чести и совести, это тешило его самомнение и придавало бравады.

Вернувшись домой и увидев несчастное лицо надоевшей любовницы, он немного смягчился и, покачав головой, произнёс:

– Наша размолвка так огорчила меня, дорогая. Представь, сам не свой я бродил по улицам, даже не замечая отвратительной погоды.

– Ох, бедняжка! – воскликнула она, бросаясь ему на грудь. – Должно быть, ты страшно замёрз, пойдём скорее, я уложу тебя в постель и мигом принесу грелку. А может, хочешь чаю с корицей?

Эжен состроил скорбную гримасу и шаркающими шагами, словно его и впрямь одолело сердечное горе, потащился в спальню. Он с удовольствием принимал заботливые ухаживания влюблённой девушки, не испытывая ни малейших угрызений совести. А что такого? Ведь в конечном итоге он даже не изменил ей. И прикрыв глаза, предался воспоминаниям. Вот обидно, что эмоции нахлынули так внезапно, а возбуждение оказалось столь сильным, что он не смог как следует растянуть удовольствие. И кончил буквально за несколько минут, как прыщавый юнец, впервые увидавший женскую наготу. Впредь надо научиться сдерживать себя. Иначе это попросту выкинутые деньги. Хм, а не заставить ли Вероник проделывать то же самое? И тратиться не придётся, да и не будет надобности изображать пылкого любовника, прикасаясь к её не слишком аппетитному телу. Да-да неплохо придумано, осталось лишь угоризорить эту разиню. Но только не сегодня... не сегодня... он слишком переполнен эмоциями... потом... И молодой человек мгновенно заснул.

К началу весны он успел почти закончить рукопись, и пачка исписанных страниц становилась толще с каждым днём. Бланшар совсем перестал поддерживать разговоры служанке о браке и раздражённо обрывал её на полуслове. Ещё не время! Неужели дурацкий обряд значит для неё больше, чем его книга? Побледневшая и похудевшая Вероник часами рыдала в кухне, уговаривая себя, что Эжен попросту слишком увлечён письмом. Бедняжка от души ждала окончания его труда. Кто бы мог подумать, что, заполучив такого образованного и умного жениха, придётся так долго ждать обещанного счастья. Ах, как он изменился, проклятая рукопись отнимает у него все силы. Он даже стал совсем равнодушен к ней и частенько предпочитает проводить ночи один, ссылаясь, что голова его забита работой и попросту нет сил на любовь. На самом деле Бланшар зачастил в сомнительные кварталы и тратил деньги на гулящих девиц. Ему так и не удалось заставить Вероник исполнять его прихоть. Внутренние запреты, накрепко засевшие в голове служанки, при всём обожании к жениху вызывали у неё искреннее возмущение.

– Это мерзость, Эжен! Настоящая мерзость! На такой разврат могут соглашаться только продажные девки!

– Ну и зануда ты! Можно подумать, что я лишил тебя невинности и совратил честную девушку, – в сердцах бросал молодой человек.

– Ну знаешь! Я и не убеждала тебя в своей непорочности, но это не значит, что я позволяла себе лишнего и готова развратничать! Да я сторела бы со стыда, посмей только проделать подобное! Господь наделил людей ртами не для такой гадости!

подавив жгучее желание отвесить любовнице оплеуху, Эжен, как обычно, хватал шляпу и отправлялся в поисках утех на стороне. Ни раз он задумывался над тем, с каким бы наслаждением и вовсе дал надоевшей девице пинка под зад. Ему вполне по средствам нанять услужливую старуху, что молча станет выполнять работу по дому, не требуя внимания. Но страх, что обиженная любовница разоблачит преступление, сковывал ему руки.

Бланшар аккуратно поставил точку на очередном листе рукописи и промокнул чернила, как вдруг в комнату без спросу вошла Вероник.

– В чём дело? – хмуро проворчал он. – Я же просил не отвлекать меня во время работы.

– Мне надо кое-что сказать, Эжен. Поверь, это очень важно...

Бланшар обернулся и с удивлением уставился на служанку. Видно, она и впрямь готова сообщить нечто серьёзное. Осунувшееся лицо её было бледно, глаза горели как в лихорадке. Она застыла посреди кабинета, стиснув руки под фартуком, и, видно, собиралась с силами.

– Ну, что случилось? – миролюбиво спросил молодой человек.

– Я... я... хотела бы знать, когда ты планируешь венчание, Эжен. Надо сделать это как можно скорее, – отрывисто бросила она.

– О Господь всемогущий, опять ты за своё. Сколько раз тебе говорить, что сейчас неподходящее время. И хотя рукопись почти закончена, мне нужно внести кое-какие правки, потом переписать начисто, а затем...

– У нас будет ребёнок, Эжен! – страдальчески выкрикнула Вероник, не дослушав навязших на зубах отговорок. – Давай обвенчаемся и пиши сколько угодно, я готова и вовсе не заходить в кабинет.

Эжен молча смотрел на служанку. Известие так огорошило его, что он совершенно растерялся. Ребёнок? Нет, ни за что! Ещё эдакой обузы ему не хватало! Какой-то жалкий младенец готов встать между ним и его почти достижимой мечтой! Пережить столько горьких разочарований и в угоду неизвестно кому зачеркнуть всё одним махом? Какой же он осёл, отчего бы ему сразу не задуматься, что общая постель в итоге может привести к такому плачевному результату! Вот дурак! Нет, нет, нет! Он просто обязан придумать выход. И главное, чтобы он устроил самого Бланшара и плевать, понравится ли он Вероник.

Молодой человек провёл по лицу ладонью, словно пытаясь стереть выражение откровенного бешенства, и ровным голосом произнёс:

– Хорошо, дорогая. Надеюсь, ты позволишь не устраивать свадьбу прямо завтра? Это слишком важное событие и надо обставить его должным образом. Ближайшие дни я поговорю со священником. Не думаю, что одна-две недели что-то изменят.

Вероник залилась слезами благодарности. Она воображала, что молодой человек заупрямится и ей придётся уговаривать его несколько дней кряду. А он согласился почти не раздумывая. Должно быть, он и впрямь её любит. Она счастливо вздохнула и отправилась по своим делам. Мечтая, что вскоре сама наймёт служанку, получив статус хозяйки дома. Тогда ей станет легче следить за деньгами. Они так и текут между пальцев с тех пор, как Эжен стал распоряжаться наследством. Конечно, он сменил обстановку и вынужден частенько угощать важных людей, дающих советы молодым писателям. Бедняжка, ему приходится просиживать с ними до полуночи, и после он едва держится на ногах, падает в постель и засыпает как убитый.

Пока Вероник утопала в грёзах, Эжен до крови обкусал кожу вокруг пальца, отчаянно придумывая выход. Но ничего стоящего ему на ум не пришло. Он непременно должен развеяться, иначе просто сойдёт с ума. Поспешив вниз, он крикнул, что идёт на встречу с помощником издателя. Старик крайне важная штучка, но зануден до невозможности, скорее всего, он задержится до ночи. Лучше бы Вероник лечь спать, не дожидаясь его прихода.

Оказавшись в заветном переулке, Бланшар едва успевал отвечать на приветствия. Он успел так примелькаться, что потаскушки считали своим долгом кивнуть и с улыбкой пробормотать:

– Добрый вечер, сударь.

Между собой девицы прозвали его Долгоносиком, однако питали к нему симпатию, по слухам, он хорошо платил и частенько требовал лишь одной определённой услуги, ради которой и раздеваться не обязательно.

Эжен на ходу кивал в ответ, выискивая глазами Маргариту. Обычно, когда девушки не оказывались поблизости, он выбирал другую, придирчиво оценивая внешность. Не тратить же три франка на тощую жердь или расплывшуюся толстуху. Но сегодня, по счастью, Маргарита оказалась свободной, и Бланшар, подмигнув, направился к знакомой гостинице даже не оборачиваясь, чтобы убедиться, последует ли она за ним.

Швырнув на стул пальто и шляпу, он молча раздевался, словно обдумывая что-то, и, внезапно остановившись, спросил:

– Послушай, красавица, а с тобой или с твоими подружками случались неприятности?

– Неприятности? Да сколько угодно, – хихикнула девушка, усевшись на край кровати и стаскивая чулок. – Наше ремесло состоит из одних только неприятностей, сударь.

– Да? И каких же? – отрывисто бросил он, расстегнув пуговицы на рубашке.

– Ну... гость может не заплатить или, чего доброго, надавать тумачков. Может потребовать какую-нибудь гнусность. Бывает, полиция устроит облаву, а торчать в каземате не слишком весёлое занятие. Вот вы, хоть и любите развлечься на свой лад, но хотя бы молоды. Сказать по совести, сударь, возиться с обрюзгшим стариком, что пыхтит и роняет слюни, тоже мало радости. Он того и гляди очокурится прямо на тебе, а я с детства боюсь мертвецов.

– Вот дурочка! Я вовсе не об этом. Случалось такое, что девушка оказалась... оказалась... словом, узнавала, что ждёт ребёнка?

– Ах это? Ну иногда происходит, сударь, как и с любой порядочной женщиной, так уж устроено на свете, что дети появляются независимо от того, кто их зачал, – пожал плечами Маргарита.

– И что делают в таких случаях? Ожидают его появления на свет?

– Ох, ну вы и сказали! – рассмеялась потаскушка. – Тогда бы весь город кишмя кишел одними только ребятишками. Да кто согласится плодить детей, которых и накормить нечем?

Разве что глупышки, имеющие законных мужей. Хотя... По мне, так это и вовсе отвратительно! Муж станет колотить меня и пропивать весь заработок. А мне придётся с утра до ночи вертеться ужом и думать, чем накормить ребятишек. Завидная участь.

– Хм, и как вы... избавляетесь от обузы?

– Да кто как, сударь. Кто платит повитухе, но это подсудное дело и ко всему, неумеха вполне может уморить. Со мной, слава Святой Маргарите, подобного не случилось, но моя знакомая нарочно прыгнула с парашюта неподалёку от Тюильри. Высота там приличная, верно с ваш рост. И на следующий день у неё случился выкидыш, только и всего. Говорят, ещё можно класть на живот припарки из шпината, пить какую-то бурду или крестить живот снизу вверх, но, кажется, это мало помогает.

Бланшар в упор посмотрел на девицу, что успела забраться в кровать. И широко улыбнулся.

– Мда, ну хватит об этом, давай, постарайся как следует и получишь пару монет сверх обещанного. Так какие гнусности требовали от тебя мужчины? – с похотливой улыбкой пробормотал Бланшар, нависнув над потаскушкой.

Домой он вернулся поздно и облегчённо вздохнул, увидев, что Вероник действительно успела заснуть. Вот дрянь, присосалась, словно пиявка. Ну ничего, скоро он обретёт свободу. После убийства тётки, так легко сошедшему ему с рук, Эжен перестал испытывать угрызения совести по любому поводу. Он даже подивился, что старуха не является ему во сне, как вечно происходит в книгах. Однажды он даже спросил Вероник, не мучают ли её кошмары, ведь хозяйка отправилась в мир иной не без её помощи. Но ответ любовницы оказался таким простым, что вовсе отнёс любые сомнения. Вскинув свои прозрачные глаза, девушка равнодушно поведала:

– Что уж жалеть о стариках, тем более когда ждёшь наследства. Ведь они прожили своё.

– Хм, ты ведь из деревни, дорогая. Воображаю, как там ждут смерти родни ради надела земли.

– Как и везде, Эжен. Тут уж нет разницы, дом и рента как у тебя или кусок пашни.

– Да... Кажется, я читал подобную историю у Золя³. Он недурно пишет, этот господин. Да Бог с ним, уверен, моя книга намного превзойдёт все его романы по популярности, – самодовольно добавил он.

И каждую свободную минуту он жадно перечитывал дневник Патриса, словно это чтение давало ему силы, как Священное Писание праведнику. Что и говорить, каждая строчка, написанная рукой красавца маркиза, источала отраву, успевшую пропитать душу Бланшара насквозь. Чем больше он вникал в глумливые размышления испорченного юнца, тем сильнее проникался его утверждениями. Благородные чувства и порядочность высмеивались Патрисом так убедительно и остроумно, что спорить и возражать не было никакой возможности. Порочное поведение и неуёмная жажда удовольствий вызывали откровенную зависть, едкий цинизм – восхищение. И лёгкость, с которой маркиз относился к чужой жизни, снижала в глазах Эжена её ценность. А стало быть, не стоила сожалений.

Несколько дней кряду он с добродушной улыбкой пичкал Вероник рассказами о своих переговорах со священником. И совершенно задурил ей голову, принимаясь на все лады расписывать ужин в ресторане, который ему якобы посоветовал знакомый. В один из дней он сообщил, что торопится на встречу, но в ворохе бумаг потерял важное письмо.

– Будь умницей дорогая, оставь все дела и займись поисками. В полдень я зайду за ним.

– Ох, Эжен, – порозовела служанка. – Я не смогу прочесть...

³ Эмиль Золя (1840 – 1902) был одним из ведущих французских писателей XIX века. Основатель школы натурализма

– Вот глупая! Да на что тебе читать, ищи конверт с моими инициалами «Э. Б.» и всё. Уверю тебя, более на нём ничего нет. Только непременно найди, иначе поставишь меня в неловкое положение перед важным человеком.

Убедившись, что Вероник поспешила вверх по лестнице напрямик к кабинету, Бланшар довольно хмыкнул, но тотчас его лицо приняло серьёзное выражение. Он на цыпочках поднялся вслед за ней. Но вскоре вновь спустился и, прикрыв глаза, едва слышно шепнул:

– В таком деле грех – просить помощи у Господа, и я прошу её у вас, сеньор маркиз. Пожелайте мне удачи.

С этими словами он поспешил на улицу Полонсо, где часто замечал разносчика фруктов. Неторопливо прохаживаясь по улице, Бланшар разглядывал витрины, словно прикидывая нужные покупки и, завидев разносчика, окликнул:

– Эй, любезный.

– Что вам угодно, сударь? – вежливо пробасил здоровяк с круглым лицом и такими широкими плечами, что мог бы свалить быка одним ударом.

– Послушайте, мне хотелось бы купить фруктов, да я ровно ничего не смыслю в этом.

– Я могу помочь, сударь, взгляните, плоды самые спелые, можете обойти все лавки в округе не найдёте лучшего товара. Только послушайте, аромат как в райском саду!

– М-м-м, я, конечно, готов поверить на слово, дружок, но предпочитаю, чтобы моя кухарка сама сделала выбор, вы не против прогуляться со мной до дому? Право же, это всего в двух шагах.

– Как прикажете, сударь, – кивнул разносчик и направился вслед за покупателем.

Эжен отпер дверь своим ключом и крикнул:

– Вероник! Вероник, поди сюда, я привёл фруктовщика, чтобы ты выбрала всё, что нужно для праздничного обеда. Да поспеши, не могу же я понапрасну задерживать человека!

После он преспокойно повернулся к лестнице спиной и принялся болтать с разносчиком о погоде. Удивлённая неожиданным возвращением, служанка выбежала из кабинета и торопливо начала спускаться. Но, сделав всего два шага, Вероник нелепо взмахнула руками и кубарем покатила вниз. Оторопевший здоровяк застыл, открыв рот, а Бланшар, театрально вскрикнув, бросился к распростёртому на полу телу.

– Пресвятая Дева! Вероник! Что с тобой! Да скажи хоть слово! О! Какое несчастье!

– Не сбежать ли за доктором, сударь? – взволнованно пробасил разносчик. – Вот беда, как бедняжка кувыркалась по ступеням, не удивлюсь если переломала себе все кости, помилуй, Господи!

– Да, да, верно, следует позвать врача, но побудьте ещё минуту. У меня есть нюхательная соль, я мигом, прошу вас, не оставляйте несчастную одну, может, она попросту лишилась чувств, – заламывая руки, воскликнул Эжен.

Разносчик пожал плечами и, поставив тяжёлый лоток на пол, неловко опустился на одно колено возле недвижимо лежащей служанки. Тем временем Бланшар бросился вверх по лестнице. Видно, бедняга так спешил, что едва не растянулся перед верхней ступенькой.

– Эй сударь! – испуганно вскинул голову разносчик. – Вы бы смотрели под ноги, не ровен час, свернёте себе шею раньше, чем окажете помощь бедной девушке.

– Ничего, ничего, – пробормотал Эжен, кривясь и делая вид, что потирает ушибленную ногу. Но стоило разносчику вновь склониться к Вероник, молодой человек быстро отвязал тонкую нить от балясины и сунул её в карман. Забежав в комнату, он попросту сунул моток под перину, и, взяв флакончик соли, с поспешностью спустился.

– Ох, сударь, – хмуро покачал головой здоровяк. – Сдаётся мне, что привести в чувство покойницу с помощью нюхательной соли ещё никому не удавалось.

– Она... вы хотите сказать... она умерла?! – лицо Эжена вытянулось и выражало неподдельное удивление. Чёрт возьми, он всего лишь собирался расправиться с нежеланным мла-

денцем, только и всего. Нет, право же, его совесть чиста, у него не было мысли убивать эту дуручку. Разве его вина, что она свернула себе шею? Вот разиня, не смогла упасть аккуратней.

– Вы уверены? – тупо пробубнил Бланшар, склонившись над бездыханным телом и приложив ухо к груди служанки.

– Вернее некуда, сударь. Глядите сами, разве человек может так извернуться и при этом остаться целёхоньким.

Эжен закрыл лицо ладонями и глухо застонал.

Разносчик бросил на него сочувственный взгляд.

– Пожалуй, надо сообщить сержанту. Да вызвать доктора составить бумаги, – нерешительно произнёс он.

Но Бланшар продолжал сидеть на полу, не отнимая от лица ладоней и покачиваясь из стороны в сторону. Здоровяк вздохнул и тихонько вышел за дверь. Вот несчастье, однако молодой хозяин совсем раскис, видно, ни разу не видел мертвецов. Придётся самому озаботиться сообщением. Этот чувствительный молодой человек того и гляди упадёт в обморок, а покойница так и будет лежать на полу.

Вскоре у дверей дома собрались зеваки из числа соседей. Разносчик обстоятельно повторял историю снова и снова. Да, представьте, его угораздило увидеть всё собственными глазами. Видели бы вы, как бедняжка летела с самого верха! Ну и грохот стоял. Всё случилось так быстро и неожиданно, что никто не смог прийти ей на помощь. Молодой хозяин и вовсе сомлел, ноги у него заплетались как у пьяницы, и он сам чуть было не кувыркнулся с проклятой лестницы. Вот дело, если в одночасье в гостиной оказалось бы два трупа.

Смерть Вероник не вызвала подозрений. Если гибель зажиточной тётки господина Бланшара могла вызвать интерес – всё-таки речь шла о наследстве, – то нелепая смерть простой служанки никого не заставила усомниться в несчастном случае. Уж выгоды от её кончины никто не получал. И многие даже посочувствовали бедняге Бланшару. Не очень-то весело жить в доме, где за короткий срок оказалось сразу два покойника. Пожалуй, ему стоит продать дом и поселиться в другом месте, иначе он вполне может стать третьей жертвой. Должно быть, в доме нечисто. Может, позвать кюре и окропить все комнаты святой водой? Нет, вернее, всё же и вовсе избавиться от такого наследства. Бедный парень! Ну и повезло же ему. А как он расстроился, жаль было и поглядеть. Лицо осунулось, и нос казался ещё длиннее. Видно, он успел привязаться к служанке, ведь он знал её давно, когда она служила его тётушке. Молодой человек ничего не смыслил в хозяйстве, а Вероник была девушкой порядочной. Сам Эжен по неопытности нанял бы первую попавшуюся служанку, что непрестанно обчищает хозяйские карманы, да бьёт баклуши с утра до вечера. Говорят, Вероник была сиротой, стало быть, господин Бланшар единственный, кто так искренне убивается. Да и на похороны не поспешил и даже пригласил нескольких соседей на скромный ужин в кабачке Венсана. И все сошлись во мнении, что простодушному парню лучше всего жениться. Следует приискать скромную девушку и, конечно, неплохо было бы получить приданое.

Но в ночь после похорон Бланшар умудрился тайком привести домой Маргариту.

– А ты неплохо устроился, – развязно заявила потаскушка, озираясь по сторонам. – Если это и впрямь твоя квартира и через час не нагрянут хозяева.

Эжен успел заметить, что она изрядно пьяна. Но желание насладиться полной свободой человека, не связанного более никакими препятствиями, не позволило ему вытолкать девицу вон, отказавшись от её услуг.

– Если желаешь развлекаться всю ночь, то плати восемь франков, – добавила она и громко икнула. – Зря скривился, Долгоносик, подумаешь, выпила пару глотков. Погода такая мерзкая, я успела насквозь застыть, – Маргарита хихикнула и едва не повалилась прямо на него.

Бланшар грубо тряхнул её за плечи и ядовито прошипел прямо в лицо:

– Послушай, шлюха ты эдакая, я не собираюсь выбросить деньги просто так. И предупреждаю, если ты спьяну умудришься заснуть с моим членом во рту, то вместо платы получишь увесистого пинка под зад.

Эта грубая выходка словно отрезвила девицу и она, бросив испуганный взгляд на молодого человека, поспешила за ним в спальню, стараясь идти ровно и справиться с напавшей на неё икотой.

Погода в начале лета выдалась довольно дождливой, и улицы буквально утопали в размокшей грязи, что стекала мутными потоками из-за забитых сточных канав. Дождевые капли монотонно барабанили по оцинкованной крыше и навевали сонливость. Но Эжен вовсе не замечал этого. Сидя в своём кабинете за любимым ему массивным столом, он с блестящими от радости глазами разглядывал толстую пачку исписанных страниц. Да, его роман готов, не более получаса назад он дописал последнюю фразу и поставил точку. Ах, ты! Даже самому не верится, что труд подошёл к концу. Он перечитывал своё творение ежедневно и буквально таял от восторга. Каково? Да он просто гениален! Ну и вытянется лицо у старика Бриссона. Пожалуй, он не раз пожалеет, что сразу не разглядел талант. Теперь осталось лишь показать ему несколько страниц – и дело в шляпе. Эжен был уверен, что помощник издателя сломя голову помчится с его рукописью к хозяину. И Бланшар начал представлять сумму гонорара, что вскоре получит. Хм, как бы распорядиться деньгами? Не нанять ли квартиру в более солидном месте? Там, где живут знатные господа. Эдакий шикарный дом, где каждая квартира занимает целый этаж. Однажды ему удалось зайти в подобный: он относил бумаги, когда влачил жалкую участь клерка в паршивой конторе. Правда, дальше вестибюля его не пустили. Швейцар, раздутый от собственной важности, сухопарый старик, принял бумаги и поспешил выставить Бланшара за дверь: ему не понравилось, что с башмаков рассыльного на мраморные плиты пола натекли грязные лужицы. Но и за короткое время восторженный юноша успел заметить позолоченные скульптуры женщин, держащих газовые рожки, натёртые до блеска перила лестницы и тёмно-бордовый ковёр, устилающий ступени. В доме царила такая благоговейная тишина, что слышно было только жалкий скрип старых ботинок Эжена. Если один только вестибюль дома так великолепен, невозможно вообразить, как выглядят сами квартиры. Интересно всё же, хватит ли денег, вырученных за книгу, на такое жильё? Бланшар совершенно не представлял, какие гонорары платят успешным писателям.

Он посмотрел на часы и, потянувшись, отправился вниз, пожалуй, пора и пообедать. Старуха-кухарка как раз собиралась идти за ним. Приподнятое настроение хозяина вмиг улетучилось, когда она, поджав узкие губы, поставила перед ним тарелку супа и хмуро бросила:

– Пора бы оплатить счета, сударь.

– Ну, что там опять? – спросил Эжен, отламывая хлеб.

– Приходил зеленщик, – сварливо начала кухарка. – Ему задолжали уже десять франков, прачка Бижу, рассыльный из магазина Риваля. Он говорит, что вы одних только чернил набрали на восемь франков не считая перьев. И куда вы их только тратите, сударь? Можно подумать, что вы пьёте их вместо воды!

– Да тебе-то что за дело?! – раздражённо бросил Бланшар. – Уж тебя точно не касается, куда я трачу деньги!

– Может, и не касалось бы, сударь, – бесцеремонно ответила она, – если бы вы регулярно платили моё жалование да не исчезали всякий раз, когда приходят кредиторы. С чего я должна отдуваться и выслушивать гадости? Между прочим, угольщик и портной недавно открыто заявили, что подадут на вас в суд как на мошенника.

– Чёрт! Надо же было испортить весь аппетит, у тебя так ловко получается, Аннет, мало того, что готовишь из рук вон плохо, так ещё норовишь приправить отвратительную еду паршивыми новостями! Всё, можешь уносить блюда, у меня нет никакой охоты получить несва-

рение желудка. Я сам разберусь со счетами, и тебя это не касается. Скажи спасибо, что моя доброта не позволяет вышвырнуть тебя за дверь за твою наглость!

– Да я могу уйти хоть сейчас, – пожала плечами старуха. – Заплатите, что положено, и ноги моей здесь не будет.

Бланшар в сердцах швырнул салфетку на стол и почти бегом вернулся в кабинет. Заперев дверь на ключ, он уселся за стол и задумался. К прискорбию, злющая кухарка права. Он кругом в долгах. Как же это вышло? Может, Аннет прикарманивает деньги, что он даёт на хозяйственные расходы? Когда он успел столько потратить? Проклятье! Он позабыл, что кроме необходимых трат, он едва ли не ежедневно швыряет деньги на продажных девиц! Когда ему наскучила Маргарита, он стал захаживать в рестораны и танцевальные залы, надеясь подцепить девиц пошкарней, чем те, что жмутся к стене в грязном переулке. Спору нет, эти потаскухи и одеты побогаче, и выглядят, словно приличные дамы. Однако они не соглашались проводить время в дешёвых гостиницах и требуют за свои услуги куда больше, чем Марго и её подружки. Вот, буквально на днях, он не глядя вышвырнул почти пятнадцать франков! И всего за два часа. Ну конечно, девица была настоящей красоткой! Да к тому же весёлая и бойкая. Но паршивка нипочём не соглашалась идти пешком, ему пришлось нанять фиакр, чтобы всего лишь добраться до гостиницы на соседней площади. И номера там стоили отнюдь не сто су. Разгорячённый Эжен заказал в комнату вино и фрукты и щедро отсыпал чаевых коридорному. А что поделывать? Потаскуха вилась вокруг него, как кошка. Ах, она так обольстительно смотрелась в одном корсете и чулках с шёлковыми подвязками! И рядом с ней он чувствовал себя таким солидным и богатым. Но теперь, когда кухарка так грубо напомнила о долгах, Бланшару показалось, что смазливая, нарядная шлюха совсем не стоила потраченных денег. Эта пройдоха больше обещала, чем делала. Пожалуй, он даже остался в дураках. Девчонки из переулка были куда услужливей. Ах, какой же он осёл! Возомнил себя на равных с мальчишкой Патрисом, что, судя по дневнику, редко вылезал из кровати, разве что для того, чтобы сразу нырнуть в другую. Хорошо ему было устраивать оргии, вовсе не задумываясь о тратах. Ко всему, маркизу не приходилось соблюдать приличий и думать, что скажут соседи. А Бланшар побаивался водить потаскушек в дом. Прошлый раз он едва успел растолкать Маргариту, чтобы девица покинула квартиру на рассвете. Нет, это никуда не годится. Надо признать, что он сам виноват в досадном положении. Мог бы сначала решить все дела с книгой, а уж потом вести разгульную жизнь. Да, но ведь он так молод! Хватит того, что много лет Эжен вынужденно отказывал себе в самых простых вещах. Будь Вероник хорошенькой и покладистой, разве он бросился бы в объятия уличных девок? И Бланшар тотчас перестал упрекать себя и с возмущением свалил всю вину за ночные похождения и пропавшие деньги на бедняжку служанку.

Молодой человек, хоть и с трудом, вновь уговорил Жоэля Бриссона прочесть несколько страниц его рукописи. И, купив в рассрочку довольно приличный костюм, отправился на встречу. Он всячески старался сделать вид, что дела его со времени их последней встречи пошли в гору. Теперь он имеет возможность спокойно работать над романом, не заботясь о куске хлеба. Жаркий летний день угасал, но удушливый жар так и поднимался от нагретой мостовой. Горло мгновенно пересыхало и приходилось то и дело облизывать губы. Все столики на улицах были заняты, а торчать в душном помещении было и вовсе невыносимо. Бриссон предложил прогуляться в Тюильри, по крайности, среди деревьев легче дышится.

Эжен нарочито болтал о пустяках, скрывая страшное напряжение, от которого слегка подрагивали пальцы. Он хотел, чтобы старик сам начал важный разговор. Хватит уж заглядывать в рот каждому, кто имеет вес в мире книгоиздания и ждать подачки, словно бездомный пёс.

Наконец, они нашли укромное место среди раскидистых ветвей орешника. Скамья стояла так удобно, что листва совсем скрывала сидящих от посторонних глаз. Бланшар так сильно

ждал оценки рукописи, что готов был трясти старика что есть силы, пока тот наконец не заговорит, но степенно присел на скамью, делая вид, что рассматривает гуляющих.

– Послушайте... м-м-м...

– Эжен Бланшар, – с напускным спокойствием, напомнил молодой человек.

– Простите старика, сударь. С возрастом мне всё тяжелее запоминать имена. Итак, господин Бланшар, первое, что обязан сообщить: я не смогу представить рукопись издателю, а если бы тронулся умом и отважился на подобное, то никогда, слышите, никогда господин издатель не стал бы её печатать. А второе... может, я действительно выжил из ума, но то, что вы написали – гениально!

Эжен непроизвольно вскочил с места, но тут же рухнул обратно и впился взглядом в Бриссона, чувствуя, как по вискам заструился пот. Он судорожно вздохнул и, окончательно утратив самообладание, охрипшим голосом переспросил:

– Я не ослышался? Вы находите мою рукопись гениальной и при этом уверены, что её не напечатают?

– Уверен! – воскликнул старик. – Да книга не успеет оказаться на прилавке, как издателя арестуют!

– Арестуют? За что?!

– За подрыв нравственности, за слишком откровенные сцены, за глумливое надругательство над моралью, наконец! Теперь я скажу вам с полной откровенностью, сударь. Ваш стиль письма, сюжет, хотя я прочёл лишь малую часть, необыкновенно хороши! Хороши настолько, что даже я, будучи заядлым критиком, не могу найти малейшего повода придрасться. Но ваш герой омерзителен! Да, Бланшар, он омерзителен, низок, гадок! Впрочем, как и его... его близкий друг. Эти люди просто исчадия ада! Хотя я снимаю шляпу перед вашим писательским даром. Создать образ привлекательного негодяя гораздо сложнее, чем образ благородного человека. Вы просто поразили меня, Бланшар. Как в вашем возрасте вы отважились на такую смелость? Вы слышали о книгах маркиза де Сада⁴? Скорее всего, нет, их крайне редко можно достать даже в публичной библиотеке. Он славился предельной откровенностью в описании постельных сцен и гнусных оргий. Но у вас, при всей омерзительности этих эпизодов, вышло не менее откровенно, но гораздо изящнее и привлекательней. Право же, я верю с трудом, что подобный текст написан столь молодым и, надеюсь, неиспорченным человеком. Вы показали настолько глубокое знание всего, о чём пишете, словно по волшебству оказываетесь в другой эпохе, а после преспокойно возвращаетесь назад. Детали костюмов, манера речи, уклад жизни знатных сеньоров, интерьеры, быт... откуда вы набрались этих сведений, Бланшар?

Эжен залился краской стыда до самой шеи, по счастью тень от листвы скрыла это.

– Видите ли, господин Бриссон, – промямлил молодой человек. – Когда-то вы сказали об отсутствии опыта и достаточных знаний. Я прислушался к вашему совету. Более полугода я ежедневно просиживал в библиотеках, выкраивал деньги на специальные книги – и вот результат.

– Это потрясающе, сударь! Всем начинающим писателям следовало бы взять с вас пример! Знаете, Бланшар, мне действительно жаль, что я ничем не могу вам помочь. Газетки буквально разорвут издателя в клочья, скандал выйдет нешуточный, беднягу затаскают по судам. И он попросту разорится на адвокатах и судебных издержках. Даже не знаю... Послушайте, а может вам просто переписать книгу? Убрать слишком пикантные сцены и придать герою, от имени которого идёт рассказ, хотя бы немного благородства.

⁴ Донасьён Альфонс Франсуа де Сад, часто именуемый как маркиз де Сад – французский аристократ, политик, писатель и философ. Был проповедником идеи абсолютной свободы, которая не была бы ограничена ни нравственностью, ни религией, ни правом.

Эжен прикусил губу и покачал головой. Этот роман для него слишком дорог. Дорог, как любимое дитя. Разве можно поменять ребёнку внешность по своему желанию или лишить пальцев на руках? Да, для него это так же дико звучит, когда речь идёт о его книге. Он ещё раз отрицательно покачал головой. Нет-нет, он не отдаст ни фразы, ни слова из рукописи. И не станет делать из грешника святошу.

Старик достал из глубокого кармана аккуратно свёрнутые листки.

– От всего сердца жалею, что эту рукопись не видел барон Шарль Баретт, – прошептал он.

– Так помогите мне! – вскинулся Эжен. – Устройте мне знакомство с ним!

– Не могу, – с жалкой улыбкой проронил старик. – Господин барон – слишком важная фигура и не водит знакомства с такими незначительными людьми, как я.

Бланшар с горечью сжал губы и, поднявшись, протянул руку за листками бумаги, всем своим видом давая понять, что разговор окончен, и у него не осталось сил даже на проявление простой вежливости. Бриссон отдал рукопись и вздохнул. Проклятье, ведь этот парень действительно гениально пишет, но что он может ему предложить?

И когда Эжен, опустив плечи словно от невыносимой тяжести, сделал несколько шагов прочь, старик окликнул его.

– Сударь, господин Бланшар, а не дадите ли вы лично мне оставшуюся часть рукописи? Право же, я был бы счастлив прочесть роман до конца.

Эжен вскинул голову и с минуту молча смотрел на Бриссона.

– Не сейчас, сударь. Я добьюсь встречи с бароном. И когда он издаст мою книгу, а он непременно это сделает, я подарю вам экземпляр с моим автографом.

Бланшар резко повернулся спиной и быстро зашагал прочь, не дожидаясь ответа.

Однако этот длинноносый худощавый юноша столь же амбициозен, сколь и талантлив. Жаль, что его попытки пропадут даром. Но такова жизнь, выскочки всегда получают от неё оплеухи и подчас весьма болезненные.

Эжену показалось, что с отказом старика Бриссона, все его дела пошли вкривь и вкось. Словно помощник издателя одним махом столкнул его с чудесной накатанной дороги, и теперь молодому человеку оставалось барахтаться в грязной канаве у обочины. Долги выросли до невероятных размеров и это при том, что расстроенный до слёз Бланшар вовсе перестал шляться по гостиницам и кабакам. Право же, ему чудилось, что он вовсе утратил способность к плотским развлечениям. Ему пришлось рассчитать злобную кухарку, грозившую пожаловаться полицейскому и ославить хозяина на весь квартал. Квартира пришла в запустение: оглушённый неприятностями, сыпавшимися со всех сторон, он попросту не замечал грязи и мусора. Питался он ничуть не лучше, чем во время жизни на улице Гут д'Ор. Он впал в странное оцепенение. Часами просиживая без дела за своим столом, уставившись в одну точку. Как нагло и уверенно он заявил Бриссону, что сам вручит роман Шарлю Баретту. Наивный дурак – это было так же невыполнимо, как взобраться на луну. Он даже не знал его адреса. По слухам, баснословно богатый барон имел достаточно домов, чтобы не сидеть на одном месте. Да в придачу усадьбу в предместье Парижа. У Бланшара вовсе не было знакомых в тех кругах, где вращался Шарль Баретт и ему подобные люди. Стало быть, его план потерпел фиаско. Чего стоит превосходный роман, если единственным читателем будет сам автор? Уж денег и славы это точно не принесёт. И вместо того, чтобы искать выход, Эжен вновь доставал из тайника дневник маркиза и погружался в чтение, как монах, что ищет ответы в Библии. Видно, он совсем тронулся умом, когда зачем-то потратился на флакончик лавандового масла, вместо того, чтобы приберечь деньги на более важные нужды. И в минуты отчаяния вдыхал аромат, словно он мог избавить от всех навалившихся невзгод. А мысль, в каких целях употребляли это масло герцог и маркиз, его совершенно не смущала. Он продолжал восхищаться гнусными проделками Патриса и всей братии, что населяла его замок. Под конец он откровенно пожалел,

что не родился сто лет назад. Пожалуй, он охотно влился бы в их компанию. И на эти совершенно бесполезные и никчёмные мысли уходило всё его время. Однако Бланшар уверял себя, что решение непременно придёт само собой, как случилось прежде после чтения дневника. Разве косвенно мальчишка маркиз не помогал ему раньше, отчего же не помочь и теперь? Но ничего путного в его измученную голову не приходило, а невзгоды лишь увеличивались, словно грязный поток, устремившийся вниз по склону, вбирая в себя опавшие листья, ветки, и, набирая скорость, грозил унести за собой самого Эжена.

Маргарита пробиралась по опустевшему кварталу, старательно обходя лужи и кутаясь в затрапезную шаль. Конец лета обрушил на город дожди и холодный ветер, будто решил не дожидаться осени. Редкие прохожие спешили по домам, поскорее оказаться возле тёплого очага и не успевшей остыть плиты. Фонарь, висевший над аркой, сильно раскачивался от ветра, и тени принимали зловещий вид, мрачно кривляясь, как марионетки в руках злобного кукольника. Фигура мужчины, неожиданно оказавшаяся перед потаскушкой, показалась ей чем-то знакомой. Любопытства ради она прибавила шагу и, обогнав уныло бредущего человека, мигом заметила длинный нос из-под полей насквозь промокшей шляпы.

– Вот дела! Бланшар! – воскликнула она, прикоснувшись к его локтю.

– Ах, это ты? – резко остановившись, бросил молодой человек.

– Глазам не верю, – пробормотала Маргарита. – Надо признать, вид у вас неважный, я нипочём бы не признала, если бы не ваш знаменитый нос.

Эжен стоял сутулясь и глубоко засунув руки в карманы заношенного пальто. На залоснившийся воротник то и дело стекали тонкие струи воды с полей шляпы. Даже в сумерках было видно, как осунулось его и без того тонкое лицо и возле губ застыли горькие складки.

– Я и сам не всегда верю, – с жалобной улыбкой пробормотал он. – Вообрази только, каждое утро, открывая глаза, я надеюсь, что всё произошедшее лишь дурной сон.

– Да уж, – сочувственно протянула девушка. – Раньше вы были таким солидным. И когда перестали заглядывать к нам, мы с девчонками решили, что вы женились и стали добропорядочным семьянином.

Оба они продолжали стоять посреди улицы, не зная о чём говорить, но отчего-то не решаясь расстаться. Проезжающий фиакр окатил парочку грязной водой. Маргарита визгливо бросила вслед вознице бранные слова, а Бланшар продолжал молча стоять, втянув голову в плечи. Вид у него был такой несчастный, что потаскушку внезапно охватила жалость.

– Послушайте, погода словно взбесилась, я успела вымокнуть до нитки, – воскликнула она, схватив молодого человека за рукав. – Отчего бы нам не найти более подходящее место и немного поболтать? Правда, ко мне не получится, мы делим комнату с Жанной, она ужас как разозлится, если я приведу мужчину.

– Если не возражаешь, – Эжен бросил на девушку взгляд полный отчаяния. – Пойдём ко мне. Только... только я больше не живу в том доме, – выдавил он.

– Бедняжка, – стиснув руки, пролепетала Маргарита. – Надеюсь, вы не ночуете под мостом?

– Ещё нет, но видно к этому всё и идёт, – скорбно сжав губы, ответил молодой человек. – Но сегодня я точно могу провести ночь под крышей.

– Ну и отлично, парень, – улыбнулась потаскушка. С тех пор, как она увидела бывшего ухажёра в таком неприглядном виде, она совсем перестала обращаться к нему на «вы» и позволила себе добродушную фамильярность.

Маргарита подхватила Бланшара под руку. Пройдя несколько шагов, он внезапно остановился и, страдальчески взглянув ей в лицо, пробормотал:

– Марго, послушай, у меня совсем нет денег. Ни единого су.

– Ну и дурачок ты, я поняла это, как только тебя увидела, – рассмеялась девушка. – Ладно, не кисни, хотя бы раз я могу позволить себе провести время с мужчиной просто так.

– Как ты добра, – прошептал Бланшар. – Я уже и не вспомню, когда в последний раз кто-то проявлял ко мне сочувствие.

Эти слова произвели на потаскушку сильное впечатление. Ей всё больше становилось жаль этого длинного, худого недотёпу, что, видно, разорился до нитки. Вот бедняга, можно сказать с уверенностью, что он порядком голоден и вряд ли его ждёт горячий ужин и тёплая постель.

Дом, куда Эжен привёл спутницу, расположился между красильней и шорной лавкой. Серая невзрачная громадина из четырёх этажей напоминала каземат своими узкими окнами, лишёнными даже плохонького украшения, хотя бы ящика для цветов на подоконниках. Одни лишь одинаковые ставни, что успели разбухнуть и потемнеть от воды. Когда заспанная привратница, оплывшая старуха в неряшливом капоте, открыла дверь, в нос тотчас ударил запах грязного белья, прокисшей еды и прогорклого сала. Старуха не выразила никакого интереса к вошедшим. Она попросту вернулась к себе и захлопнула дверь. Теперь на лестнице стало совсем темно, и парочке пришлось пробираться наверх ощупью. На третьем этаже в длинном коридоре тянулся ряд дверей, выкрашенных коричневой краской, облезшей от времени. Из-под некоторых из них пробивалась узкая полоска света и можно было хотя бы не наставить шишек, спотыкаясь о всякий хлам, что неряхи выставляли за дверь. В коридоре то и дело слышалась ругань, детский плач, монотонный, как осенний дождь, и чьё-то пьяное бормотание. Бланшар отпер предпоследнюю дверь.

– Входи, Марго, – обронил он, чиркая спичкой и зажигая свечу.

Комната была очень маленькой и такой узкой, что и двоим не повернуться. Скромная кровать, стол и два стула. Больше ничего из мебели не вошло. Стол вплотную придвинули к окну, лишив себя возможности подойти и выглянуть на улицу. Но эта была вовсе не существенная потеря. Окно выходило во внутренний двор, лишённый зелени. К тому же снизу поднималась отвратительная вонь прокисшей еды. Живущие в доме хозяйки не утруждали себя аккуратностью и кидали объедки и протухшую пищу прямо в окна.

Но девушку совершенно не смущали ни вид убогого жилища, ни запах, ни визгливая ругань соседей за стеной. Она слишком хорошо знала жизнь бедноты и не находила в этом ничего особенного. Бланшар снял с себя промокшее насквозь пальто и, скомкав газету, швырнул её в маленькую чугунную печку, стоявшую посреди комнаты. Одну ножку ей заменял обломок кирпича и сооружение того гляди могло завалиться набок. Маргарита сняла шляпку: расстаться с шалью она не решилась, уж очень пробирал холод. Пожалуй, лучше подождать, когда в комнате потеплеет. Эжен и сам стучал зубами от холода, право же, в этой дыре холоднее, чем на улице! Он отчаянно озирался и тут, к ужасу потаскушки, схватил стул и, с хрустом отломив треснувшую спинку, сунул её в огонь.

– Ты с ума сошёл? Где это видано жечь мебель? – опешила она.

– Да к чёрту её! К чёрту всё в этой паршивой комнате! – крикнул Бланшар, закрывая лицо ладонями и опустившись на кровать.

– Ах, ты, бедненький! – пролепетала девушка. Ей вновь от души стало жаль молодого человека. Она давно забыла, как грубо он выставлял её из своего бывшего дома и, пользуясь услугами, ни разу не проявил благодарности. Он совал деньги и спешил отделаться от неё, словно после любовных утех она становилась ему противна. Теперь ей казалось, что он так несчастлив и незащищен, как брошенный ребёнок, что нуждается в помощи и утешении. А утешить мужчину по мнению Маргариты можно было только одним способом.

Она присела рядом с Бланшаром на кровать и положила руку на его колено. Молодой человек отнял руки от лица и сидел молча, уставившись в одну точку. Девушка прижалась плотнее и, шепча всякий ничего не значащий вздор, легонько поглаживала молодого человека

по ляжке, даже под тканью поношенных брюк чувствуя, как сильно он исхудал. Маргарита впервые старалась угодить мужчине без всякой платы. Ей действительно хотелось проявить сострадание, но все попытки оставались тщетными. Она была крайне удивлена, что молодой человек, прежде такой пылкий, словно в одночасье обернулся немощным старцем, что не в силах испытывать возбуждение. В какой-то момент потаскушку и вовсе охватил азарт. Она решительно скинула шаль и с силой разведя колени Бланшара в стороны, опустилась перед ним прямо на пол. Она успела вспотеть от усердия, но даже это, излюбленное Эженом удовольствие, ничуть не пробудило его чувственности. И когда Маргарита подняла голову, то заметила, как из открытых глаз молодого человека катятся молчаливые слёзы. Девушку охватила страшная тоска, ей отчего-то стало невыносимо горько. Она обняла Бланшара, прижала его голову к груди и неожиданно разрыдалась сама. Свеча давно сгорела, и комнату заливал лунный свет, а молодые люди продолжали сидеть обнявшись и проливать слёзы. Эжен не мог вспомнить, в какой момент, окончательно продрогнув, они всё же улеглись в постель, накинув сверху всю одежду и тесно прижались друг к другу в надежде согреться.

Он проснулся ещё до рассвета и, поёжившись, сильнее приник к Маргарите. Всё же она действительно очень добра, что не оставила его одного этой ночью. Как это мило с её стороны. Молодой человек даже испытал что-то вроде нежности и легонько погладил девушку по бедру. Оба они из-за тесноты лежали на боку, и бедняжка Марго была совсем притиснута к стене. Бланшар чувствовал запах её тела, смешанный с приторно сладким ароматом дешёвой туалетной воды. Как разнится реальная жизнь с тем, о чём с упоением писал в дневнике проклятый мальчишка Патрис Дефорж! Почему он мог валяться в широкой кровати на простынях из шёлка и предаваться разврату, имея при этом совершенно пустую голову и ни капли таланта и способностей, а Эжен должен довольствоваться жалкой участью отвергнутого писателя? И молодой человек начал мысленно поносить избалованного мальчишку, словно наконец нашёл виноватого во всех своих несчастьях. И внезапно с некоторым злорадством вспомнил, как юный маркиз своим вздорным характером вывел из себя своего любовника. Надо признать, что герцог Джулиан обладал не менее вспыльчивым нравом и вместо увещаний хорошенько выпорол зарвавшегося юнца. Жестоко отхлестав стеком для лошадей. Бланшар с удовольствием смаковал этот эпизод во всех подробностях, и благодаря, как всегда, откровенным запискам маркиза, совершенно ясно вообразил происходящее. И вопли Патриса, что от боли уже не помнил себя, и тёмно-бордовые полосы на нежной белой коже от ударов стека. На мгновение Эжен даже почувствовал себя отмищённым, словно негодяй маркиз расплатился за свою слишком привлекательную жизнь. Уж во всяком случае, на него самого никто сроду не поднимал руку. И он вновь прижался к тёплому телу Маргариты, обхватив девушку за талию. Он совсем не хотел, чтобы наступало тоскливое утро, что принесёт лишнее страдание и горькое разочарование. К чему ждать день, который ничего хорошего не сулит? Он настолько измотан, что даже простейшее физическое удовольствие стало невозможным, а ведь ему едва минуло двадцать четыре года! Эжену стал жаль себя настолько, что к глазам подступили слёзы, и вдруг он ощутил, что внизу живота разливается тёплая волна. Опасаясь поверить до конца, молодой человек чуть отстранился от Маргариты и вновь приник к ней, стараясь легонько подвигаться из стороны в сторону, прильнув животом к её бёдрам. Да, пожалуй, он точно что-то почувствовал! Господь милосердный, кажется, желание постепенно захватывает его. Мучаясь сомнениями и страхом разочароваться вновь, он торопливо скользнул рукой за пояс брюк. Слава всем святым! Его плоть и впрямь окрепла, как раньше, стоило ему лишь подумать о наслаждении! Ах, только бы всё вышло! Бланшару казалось, что только так он сможет возродиться к жизни и найти силы на борьбу с неприятностями, иначе ему и вовсе следует отказаться от этой борьбы и остаться лежать, дожидаясь смерти. Эжен торопливо задрал сорочку Маргариты и не тратя время даже на скудные торопливые ласки, грубо овладел полусонной девушкой, что, впрочем, она восприняла как должное и даже не подумала возмутиться. Бланшар тяжело дышал, спина

увлажнилась от пота. Он двигался быстро, страхась замедлить движения даже на секунду: мысль, что всё вновь прервётся его немощностью, заставляла позабыть о том, чтобы растянуть удовольствие. Эжен упёрся рукой в стену прямо над головой Марго и яростно двигал бёдрами, как будто заколачивал гвозди, пытаясь прибить потаскушку к хлипкой перегородке. И наконец, его исхудавшее тело дёрнулось раз-другой, по животу прошла судорога, в последнем усилии он прижал девушку к себе и бессильно рухнул на неё, чувствуя, как глухо колотится сердце в унисон с замирающей пульсацией его естества.

– Ну вот, бедняжка. А вчера ты совсем раскис, – добродушно рассмеялась Маргарита. – Уж я-то знаю, как лечить сердечные хвори.

– Ты такая милая, Марго, – пробормотал Бланшар, уткнувшись ей в плечо. – Право же, вчера мне хотелось умереть.

– Грех так говорить, вот дурачок! Откуда тебе знать, когда придёт твой срок? И не стоит призывать костлявую самому. Ну что ж, я не отказалась бы поесть, уверена ты и сам голоден, как волк. Если пойти на рынок Ле Аль⁵ совсем рано, можно хорошо выгадать в цене. К тому же иногда торговцы совсем дёшево отдают вчерашние остатки.

– Неужели? Вот жалость, что я не знал этого раньше, мог бы здорово сэкономить. Но я пуст, Марго, даже на остатки не наскребу, – развёл руками Бланшар, – впору просить подаяние.

– Ай, ну тебя, с твоими унылыми разговорами! – бросила она, встав с кровати и надевая юбку. – У меня есть деньги, я скоро вернусь и приготовлю нам поесть. Всё равно мне нечего делать до вечера.

Эжен и впрямь приободрился, он даже попытался немного прибрать в комнате и привести в порядок свою одежду. Умывшись ледяной водой над крошечным шербатым тазом, молодой человек расправил жалкое одеяло на кровати и неторопливо разломал несчастный стул с оторванной спинкой. В конце концов, вещь уже была непригодна, а пламя позволит разогреть еду.

Маргарита так прониклась состраданием, что и вовсе осталась у молодого человека. Она совершенно вычеркнула из памяти, что их первое знакомство началось таким неприглядным образом. И он всего-навсего был одним из тех, кто платит деньги за любовь. Теперь они словно поменялись местами. Вечерами девушка отправлялась на свой незавидный промысел, и все деньги тратила на Бланшара. Впервые в жизни Маргарита влюбилась и находила создавшееся положение вполне естественным. А Эжен не задумываясь принимал от неё и еду и телесные удовольствия, что доставались ему совершенно даром. Искреннее чувство девушки он счёл лишним доказательством своей неординарности. Да, чёрт возьми, пожалуй, он и впрямь стоящий человек, если даже уличная девица готова заботиться о нём, как о самом дорогом человеке. Бланшара совсем не смущало, что ежедневно он поглощает ужин, доставшийся Маргарите не слишком праведным трудом. Да и глупо отказаться от еды из-за призрачных моральных убеждений. И к радости сердобольной девушки, нрав у него становился более живой. Он повеселел, начал потихоньку подшучивать над ней и, хотя одежда ещё висела на нём, как на вешалке, мужская немощь его более не беспокоила. Наспех утолив голод, он тащил Марго в кровать и приступы страсти случались с ним по нескольку раз за ночь, не давая бедняжке как следует выспаться.

Ну кроме еды и любви надо вести беседу, и Маргарита допытывалась, как случилось, что парень разом потерял всё?

– И что тебе за интерес? – хмурился Эжен. – Я же не спрашиваю, как ты очутилась на панели.

– Да слишком просто, чтобы делать из того тайну, – пожимала плечами девушка. – Когда мать померла, отчим сразу же вытолкнул меня взашей. Мне было всего пятнадцать, идти было совершенно некуда. Переулок стал единственным местом, где я могла заработать на хлеб. Что

⁵ Первые торговые ряды выросли еще при Филиппе II Августе и именно они получили название «Ле-Аль»

ты хмыкаешь? Это самый доступный способ не протянуть ноги с голоду. Ты тоже сидишь без гроша, однако не идёшь наниматься на службу.

– Ещё чего?! – возмущённо воскликнул Эжен. – Стоило бы тебе знать, что я, моя милая, писатель!

– Писатель? Ну и дела... Неужели книги не приносят доход? Ведь они так дорого стоят. Я в толк не возьму, как ты очутился в столь неприглядном положении?

Конечно, он не стал признавать, что всему виной его неумные траты и наплевательское отношение к хозяйству. Пряча глаза, Бланшар скупно проронил, что служанки обкрадывали его, а кредиторы вечно плели интриги, чтобы выставить бедолагу в неприглядном свете. В итоге всё имущество ушло с молотка, издатель отказался печатать книгу, а тот, кто мог бы наконец помочь, совершенно недостижим.

– Ты так говоришь, словно этот твой барон почище самого императора! – воскликнула девушка. Уж не сидит же он в крепости под охраной? А стало быть, выходит хотя бы прогуляться.

– Вот дурочка, вряд ли он выбирает общественный сад или меряет ногами бульвары. Если и выезжает, то в собственном экипаже; не бросаться же мне под колёса его кареты? Да я и не представляю, как он выглядит. По слухам, у него тьма-тьмущая шикарных квартир и домов, я сотру ноги до колен, если вздумаю обходить их все!

– Ай, Долгоносик, из нас двоих, дурачок – ты! – подмигнула Маргарита. – Уж чего проще, потратить два су на бульварный листок и будешь точно знать, куда направился твой обожаемый Шарль Баретт. Газетчики вечно расписывают, как знатные господа шляются по театрам и выставкам. Можешь не таращить глаза, Жанна всегда читала эти сообщения. Эта жердь надеялась подцепить богатого покровителя, но такие господа выбирают шлюх пошикарней, – при этих словах девушка тоскливо вздохнула. Но тут же всплеснула руками и потянулась к Бланшару: – Ну чёрт с ними! Они всё равно не стоят искреннего чувства, да, мой Долгоносик? А тебя я люблю больше жизни!

Польщённый Эжен рассмеялся и, заключив девушку в объятия, развязно проронил:

– Они все обрюзгшие старики, что не могут доставить удовольствия. Да, моя милая? Бьюсь об заклад, эти слюнявые старцы померли бы от зависти от одного только взгляда на нас.

Маргарита захихикала и, томно взмахнув ресницами, шепнула:

– Только будь добреньким, парень, не слишком усердствуй, вчера ты так напирал, что я едва не пробила лбом стену.

– Сама виновата... – плотоядно облизнувшись, ответил Бланшар, пристраиваясь к её пышным бёдрам. – Нечего было так соблазнительно вилять задом.

Маргарита действительно вызывала у него сильное желание, особенно теперь, когда нет нужды встречаться урывками. Он находил её очень привлекательной. Гибкая, с нежной кожей. Её тонкая талия не нуждалась в корсете, а высокая грудь – в фальшивых оборочках для придания пышности. Только с ней Эжен наконец распробовал сладость поцелуя, ведь до Марго он был убеждён, что эта ласка излишня и не приносит удовольствия. Его природная чувственность, нескромные откровения в записках маркиза и пылкость, с которой девушка отдавалась ему, в короткий срок сделали из него превосходного любовника. Порой он испытывал к ней лёгкую нежность, порой непреодолимую страсть, что, впрочем, не заставило его искренне полюбить Маргариту. Его совсем не смущало, что он обнимает женщину, успевшую побывать в объятиях других мужчин. Он совершенно не ревновал её. Эжен не видел в ремесле своей любовницы ничего предосудительного. Кажется, его это даже возбуждало, ведь в дневнике Патриса явно сквозила насмешка над такой добродетелью, как верность. Весь день он валялся на кровати, перечитывая рукопись и совсем не собирался забивать себе голову иными делами. Словом, жизнь, которую создала для него влюблённая потаскушка, была вполне милой и приятной. Если бы ему наконец удалось издать книгу, то он был бы вполне удовлетворён.

Идея отследить передвижения барона по газетным заметкам пришлась Эжену по нраву. Вот осёл, и как он сам не догадался? И теперь, кроме платы за комнату, расходов на еду и разные мелочи, Марго пришлось выкраивать пару монет на бульварные листки, где хроникёры описывали громкие светские события. И молодой человек даже несколько раз являлся в указанное место, но затрапезный вид играл с ним злую шутку: полиция тщательно отгоняла подобный сброд от солидных людей. Бланшар вновь впал в уныние, и совсем потерявшая от любви голову девица выходила на работу едва ли не с полудня, лишь бы собрать для любовника денег на приличный костюм.

Наконец, Эжену повезло, барон Баретт оказался в числе знати, решившей посетить громкую премьеру в театре Варьете. Молодой человек несколько дней прохаживался вокруг, приглядываясь к входу и следил, где останавливаются экипажи. Накануне он с помощью Маргариты тщательно привёл себя в порядок. Взятый в рассрочку костюм сидел не слишком ладно, но зато вполне достойно, в отличие от обносков, что он носил последнее время. И поздно вечером, стоя в тазу посреди комнаты, он стучал зубами от холода, пока любовница мыла ему голову украденным в лавке кусочком мыла. Эжену пришлось раздеться донага, девушка уверяла, что сушить вещи в сыром помещении – невероятная глупость. И теперь оба потешались над столь нескромной картиной.

– Ай, Марго! Ты так трёшь мочалкой, что право же, сдерёшь с меня кожу живьём, – с насмешкой бросал Бланшар.

– Ничего, красавчик, лишь бы заветное местечко осталось в целости, – прыскала она.

– Вот нахалка! Да ты затеяла купание, не иначе как лишний раз на него полюбоваться, – хохотал Эжен.

– Фу! Вот срамник эдакий! – притворно сердясь, вскрикивала девушка, отвечивая молодому человеку шлепок.

– Да-да. Видишь, я прав, ты и к моему заду питаешь нежные чувства, – продолжал он, от души потешаясь над происходящим.

Они продолжали перекидываться непристойными и откровенными словечками, находя это очень остроумным. И веселились совсем как двое испорченных ребят, что впервые видят наготу. Маргарита накинула на голову любовника кусок холста.

– Всё, можешь вытираться.

– Уже? Хм, а ты уверена, что помыла всё, дорогая?

– Отстань, вот бесстыдник! – девушка сделала вид, что нахмурилась, но, искоса бросив взгляд на худощавый торс Бланшара, порозовев, заметила: – Кажется, ты уже не нуждаешься в том, чтобы тебя хорошенько раззадорили. Вообразить не можешь, как я сегодня измучилась с одним господином, уж он по этой части был вовсе никуда не годным, – с этими словами она подошла вплотную к Бланшару и начала поглаживать его обнажённое тело, с хитрой ухмылочкой поглядывая на любовника.

Эжен глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Дыхание его участилось. Он подался вперёд и едва не упал, потеряв равновесие.

– Да вылезь ты наконец из таза. Вот глупый, – окончательно разомлев, пробормотала девушка.

Молодой человек с размаху опустился на жалобно скрипнувшую кровать и протянул руки к любовнице.

– Иди ко мне скорее, дорогая, – и крепко обхватив севшую ему на колени Маргариту, сбивающимся голосом произнёс: – Ну-ка, расскажи... что от тебя... что от тебя требовал... этот... этот господин. Давай... м-м-м... во всех подробностях... ох, чёрт... ещё... говори ещё... о-о-о... как ты его ласкала?

К восьми часам вечера возле театра начали собираться любопытные. Вывеска была ярко освещена фонарями, скромные фиакры успели заполнить всё свободное место возле входа. Какой-то человек во фраке, но без пальто и шляпы метался между экипажами и отчаянно переругивался с возчиками. Морозящий с утра мелкий снег с дождём покрывал его взлохмаченную шевелюру крошечными, как бисер, каплями воды, они скользили по его лицу, забавно повисая на кончике носа.

– Вот бараны! – кричал он. – Куда вас понесло?! Сейчас придут важные гости и попросту не смогу протиснуться к подъезду! Эй, ты, ты-ты, осёл усатый! Да разверни, наконец, свою телегу! Нет, право же, вы все хотите свести меня с ума! По вашей глупости приличные люди станут пробираться сквозь толпу прямо под дождём!

Бланшар смекнул, что этот господин, должно быть, сам директор театра, раз он так суется. Но главное, он успел занять довольно сносное место, притулившись возле колонны. Отсюда хорошо видно всех приезжающих. О внешности барона он имел смутное представление. Фото в жалкой газетёнке, вот и всё. Кажется, Шарль Баретт носил усы и аккуратную бородку. Эжен успел здорово продрогнуть за три часа, что простоял в ожидании. Но желание во что бы то ни стало решить свою проблему не давала ему сдвинуться с места. Бедняга не отважился даже на пять минут отойти и выпить стаканчик вина в кафе, что было всего в двух шагах. Хотя Маргарита ещё утром сунула ему в карман пальто франк и двадцать су.

Наконец, толпа зевак оживлённо зашумела и газетчики, прежде лениво тянувшие папироски, бросились вперёд. Проклятье! О них Бланшар и не подумал. Бойкие молодые люди окружали плотным кольцом всех, кто выходил из карет и шикарных ландо⁶. Даже служителям театра и самому директору не удавалось их оттеснить. Эжен рванулся вперёд и тут едва не упал в лужу от сильного толчка в плечо. Какой-то толстяк, расставив локти, ринулся в самую гущу тел, волоча за собой громоздкую подставку для фотографического аппарата.

– Господин барон! – пискляво вопил он. – Господин Баретт, всего один снимок для завтрашнего номера «Фигаро».

Бланшар впился глазами в солидного мужчину, что как раз выходил из экипажа. Так значит это и есть всемогущий барон Шарль Баретт, собиратель непристойной коллекции. Он оказался весьма солидным человеком высокого роста и плотного телосложения. Воротник его пальто из тонкого сукна был отделан гладким мехом, таинственно поблескивающим в свете фонарей. Цилиндр из шёлкового плюша ещё больше увеличивал его рост, придавая своему хозяину весьма уважаемый вид. В руке, затянутой в ослепительно белую перчатку, барон небрежно держал трость с костяным набалдашником. Эжен успел заметить и его широкое лицо с крупным мясистым носом, пышные усы и холёную бородку. Вся фигура Шарля Баретта говорила о солидном благополучии, и даже медлительные жесты выдавали человека, хорошо знающего себе цену и не терпящего лишней суеты.

– Счастлив приветствовать вас, господин барон! – угодливо заюлил директор. – Ваша ложа давно готова, позвольте вас проводить? А что, госпожа баронесса...

– Нет, друг мой, – густым низким голосом произнёс Баретт. – Я приехал с парочкой друзей. Если хочешь насладиться постановкой, следует обойтись без дам. Они слишком эмоциональны, и стоит появиться на подмостках эдакому смазливому актёру, как они, бедняжки, совершенно перестают следить за ходом пьесы.

Окружавшие его люди подобострастно рассмеялись. Несомненно, господин барон прав. Тонко подмечено! Дамы слишком увлечены внешностью и забывают об игре. А если главный персонаж в летах и не хорош собой, то и вовсе считают пьесу скучной.

Эжена продолжали пихать со всех сторон, и стоило ему лишь на минуту отвернуться, чтобы грубо скинуть буквально повисшего на плече зеваку, как барон скрылся в дверях театра.

⁶ Ландо – лёгкая четырёхместная повозка со складывающейся вперёд и назад крышей.

Молодой человек всего лишь успел заметить его широкую спину. Оглушённый новым ударом судьбы, Бланшар едва не разрыдался. Он стоял, притиснутый к колонне, и ловил воздух широко открытым ртом и никак не мог надышаться. Лицо его побелело, и губы свело судорогой.

– Сударь, вам дурно? – спросил щуплый старичок, стоявший рядом.

– Нет, ничего, благодарю вас, – выдавил Эжен, выбираясь из толпы. Он понуро втянул голову в плечи и в нерешительности застыл возле решётчатой ограды кафе, где, укрывшись под зонтами за столиками, сидело несколько господ, и блуждали девицы, зазывно поглядывая на посетителей. Молодые люди за столиками не обращали на них никакого внимания и громко болтали о своём. Эжен невольно прислушался, он был в такой растерянности, что никак не решался покинуть место.

– Да, Пьер, у богатых людей хватает причуд! – воскликнул один из юношей. – Говорят, герцогиня Фандет-Гримэ терпеть не может брюнетов, и вся прислуга в её доме исключительно белобрысая. Даже секретарю её муженька, с которым он категорически не пожелал расстаться, пришлось выкрасить волосы. Теперь он походит на облезлого кота.

Компания громко захохотала.

– Да-да, – подхватил другой господин. – Чем богаче человек, тем чуднее его привычки. Мой дядюшка требует, чтобы лакей непременно помечал письма: деловые крестиком, личные – кружочком, а счета – двумя точками. И если письмо не помечено, он просто не читает его.

– Ну, всё это вполне безобидно, – равнодушно протянул третий. – А меня чертовски интересует коллекция барона. Вот бы взглянуть.

– Ты о Шарле Баретте, Гастон? Хм, я и сам бы не отказался. По слухам, от одного её вида глаза на лоб полезут. И чего ради этот зануда собирает пикантные вещички?

– А вы слышали, сколько он отвалил одному художнику за картину «Соблазнение девицы»?

Молодые люди покачали головами и придвинулись к собеседнику ближе. Услышав имя барона, Эжен и сам напрягся, как охотничья собака, почуявшая дичь.

– Представьте только, никому не известному парню, прыщавому жалкому юнцу, что питался впроголодь и жил на чердаке! Да уж, этому сопляку несказанно повезло. Вы видели дом возле ратуши с щедрой лепниной и двумя колоннами у входа? Жалкий краскотёр обосновался там. Теперь он разъезжает в собственном экипаже и обедает в шикарных ресторанах. Мальчишка – завсегдатай выставок и галерей. Его картины расхватывают, словно пирожки.

– Однако! Вот жалость, я не умею рисовать, – рассмеялся один из господ. – Мне не помешали бы лишние деньги, я собираюсь жениться.

– Да Бог с ним! Бывшего бедняка всегда видно: ни манер, ни лоска деньги ему не добавили. Ведь его всё равно не принимают в приличном обществе.

– Мда... и где барон находит этих нищих гениев?

Бланшар даже перестал дышать, вопрос словно сорвался с его собственных губ.

– Да ничего странного. Кажется, этого парня порекомендовал владелец одной из галерей.

Эжен горько вздохнул. Проклятье, у него нет никого, кто мог бы порекомендовать. Даже старик Бриссон не решился представить его барону. Но рассказ о вмиг разбогатевшем художнике прочно засел в его голове. И, добившись цели, он не даст повода окружающим говорить о себе в подобном тоне. Хвалёное светское общество примет его как равного. Он не желает довольствоваться лишь деньгами. Будь что будет, он рискнёт последний раз. И если ничего не выйдет, больше он и пальцем не пошевелит, а просто бросится под колёса экипажа и покончит со своей мечтой раз и навсегда. Когда начался разъезд, толпа газетчиков заметно поредела. Но экипажи встали совсем уж близко ко входу, загораживая обзор. Завидев выходящих, Бланшар с решимостью обречённого бросился вперёд и что есть сил закричал:

– Господин барон! Сударь!

Служитель попытался оттеснить его, но Эжен вырвался и вновь закричал так громко, что прохожие с удивлением стали оборачиваться и замедлять ход. А он продолжал выворачиваться из рук подоспевшего сержанта и выкрикивать имя барона.

– Друг мой, что там произошло? – обратился Баретт к чопорному господину с глубокими морщинами и гладко выбритым лицом.

– Должно быть, какой-то сумасшедший или пьяница, – пожал плечами его спутник.

– Но он всё время выкрикивает моё имя, Леон. Узнайте у сержанта, что ему нужно.

Шарлю Баретту было скучно, долгожданная премьера совсем его не тронула, и происшествие показалось ему забавным. Об этом гораздо интереснее рассказать супруге, чем перебирать сцены нудного спектакля.

Секретарь барона, Леон Реманжу, вернулся к хозяину и с улыбкой пробормотал:

– Это, видимо, один из городских сумасшедших, бедно одетый молодой человек с голодными глазами и внушительным носом, требует разговора лично с вами. И нипочём не соглашается передать через меня.

– Вот как? Хм, даже любопытно, откуда он меня знает и отчего обращается по имени. Если бы он попросту собрался клянчить денег, не всё ли ему равно, кто их подаст? Пожалуй, я его выслушаю, надеюсь, сержант обезопасит меня от неприятностей, если молодой человек окажется душевно больным.

Здоровяк-сержант вцепился в Эжена мёртвой хваткой, при всём желании бедняга не смог бы и пальцем шевельнуть. Шарль Баретт взглянул на молодого человека без всякого интереса. Всё ясно, парень беден, как церковная мышь, и стало быть, точно станет просить денег. Но к его удивлению, Бланшар охрипшим от крика голосом произнёс:

– Господин барон, я не полоумный и не попрошайка. Напротив, у меня есть, что предложить вам.

– Предложить мне? – приподнял бровь Баретт.

– Вы в своём уме, юноша? – возмущённо воскликнул секретарь.

– Я же сказал! – отчаянно бросил Эжен. – У меня действительно есть, что вам предложить, это должно заинтересовать вас! Я знаю, точно знаю! Это... это для вашей коллекции, сударь!

Бланшар вернулся домой за полночь. Маргарита бросилась к нему на шею, заливаясь слезами.

– Ох, Долгоносик! У меня чуть сердце не разорвалось! Где ты был так долго! Я уже обегала все переулки в страхе, что тебя прибили бродяжки. Ох, Эжен! Я даже спрашивала у торговца прикладом, не забирали ли кого в участок возле Варьете! – лицо потаскушки было искажено страданием и совсем опухло от слёз.

– Ай, какая ты глупышка, Марго! – счастливо протянул Эжен, прижимая девушку к себе. – Право же, ты ужасная дурочка. Я всего лишь бродил по улицам не в силах справиться с волнением и радостью. Не поверишь, но я даже не видел дороги, по которой иду. У меня получилось! Получилось, дорогая!

– Любовь моя! – взвизгнула Маргарита, осыпая поцелуями молодого человека. – Ну, скорее рассказывай, я лопну от любопытства, не мучай меня, говори всё подробно!

Довольный Бланшар опустил на кровать даже не сняв пальто и блестящими глазами взглянул на девушку.

– Не представляешь, сколько пришлось вынести, пока я ждал этого господина. В какой-то момент мне даже показалось, что всё пропало. Но, по счастью, у меня хватило сил собраться с мыслями. И вот результат: завтра мне надлежит явиться на улицу Полонсо в контору мэтра Реманжу. Этот чванливый господин – секретарь Шарля Баретта. Я передам ему несколько страниц своей рукописи, а после остаётся ждать, сочтёт ли барон книгу стоящей. Ах, Марго, я

с радостью всучил бы роман целиком, но зануда секретарь не желает тратить время: ни своё, ни хозяйское. Представь, он так и сказал, что и нескольких страниц хватит, чтобы понять, вызывает ли произведение интерес.

– Я знала, что у тебя всё выйдет! – стиснув руки на груди, воскликнула девушка. – Ты ведь такой умный, такой способный!

– Почём тебе знать о моих способностях, Марго, ты же не читала книги? – усмехнулся Бланшар.

– А мне и не нужно, Долгоносик, – прижимаясь к любовнику, ответила она. – Я без твоих бумажек знаю, что ты самый замечательный, самый талантливый, мой славный мальчик, моя душечка, мой птенчик!

Потаскушка сыпала нежными словечками, сюсюкалась с Эженом, как с ребёнком. А он, упиваясь пусть маленькой, но победой, благосклонно принимал все её восторженные ласки, хотя они казались ему глупыми и смешными.

– Ах, ты хитрая кошка, – протянул он, навалившись на девушку и целуя её грудь, сквозь ткань простенького платья. – Ты нарочно обхаживаешь меня, чтобы разжечь сильнее и получить удовольствие. Но, кажется, сегодня я заслуживаю большего, за свою решительность. Давай, милая, покажи, как ты стала бы улаживать шикарного господина с набитыми деньгами карманами.

Как ни подбадривал себя Эжен, но, подойдя к конторе Реманжу, почувствовал, что ноги стали ватными, и на лбу выступила испарина. Он долго не решался позвонить в колокольчик и, наконец, оказавшись внутри, сжал губы так сильно, что непроизвольно скрипнул зубами. Служащий вежливо попросил его присесть на деревянный диванчик и скрылся за массивной дверью. Бланшар огляделся, он впервые оказался в таком солидном месте. Стены до половины были закрыты дубовыми панелями. На консолях стояли старинные вазы. Каминная полка украшена парочкой гипсовых бюстов. Тяжёлые портьеры мягкими складками спускались до самого пола, и густой ковёр заглушал звук шагов. Через несколько минут служащий вышел и кивнул ему.

– Пожалуйста, сударь, господин Реманжу ждёт вас.

Эжен вошёл в кабинет секретаря барона и, торопливо сняв шляпу, неловко пригладил волосы. Во рту у него пересохло от волнения, и он едва слышно пролепетал приветствие.

Однако Леон Реманжу поднялся из-за стола и подошёл к оробевшему Бланшару совсем близко.

– Ну что сказать, сударь. Господина барона заинтересовало ваше предложение. Теперь он хотел бы прочесть рукопись целиком, надеюсь, вы догадались захватить её?

Эжен громко сглотнул, обмирая от собственной бестолковости. Господь всемогущий, наверное, сейчас он похож на недоумка. Дрожащей рукой он протянул свёрток. Чёрт, мятая газетная бумага выглядела слишком жалко посреди такого важного и солидного кабинета, но больше ему не во что было обернуть рукопись. Леон, ничуть не смутившись, положил свёрток на стол.

– Отлично, друг мой. Барон будет доволен, что книга закончена. Видите ли, бывает, что автор накропает лишь до середины и начинает убеждать, что вскорости допишет. Это очень портит впечатление. Лучше иметь дело с законченным вариантом. Присядьте, мне надо кое-что сказать, не годится, если вы будете торчать, словно напроказивший ученик перед учителем, – скупно улыбнулся Реманжу.

Это оказалось весьма кстати, беднягу Эжена уже давно не держали ноги.

– Итак, сударь. Мы поступим следующим образом. Господин барон ознакомится с рукописью, не волнуйтесь, он очень быстро читает и только тогда решит, стоит ли ему заниматься изданием. При благополучном исходе вы получите отличный гонорар и определённый процент

с каждого проданного экземпляра. Где и как будет распространяться роман – вас не касается, это личное дело господина барона. Как и цена книги, ваш процент будет оговорён заранее и не подлежит изменениям. Уверяю вас, это намного лучше. Конечно, книга может стоить дорого, и вы вообразите, что могли бы получать с продаж больше. Но ведь нет гарантии, что её будут рвать из рук, и цена снизится. Стало быть, вы ничего не теряете. Ну и как я уже говорил, сам гонорар вы получите одновременно в виде чека, подписанного бароном. Об этой сумме мы будем говорить позже, если господин Баретт соберётся её издать. Заметьте, в таком случае все издержки и расходы печати ложатся на его плечи. Пока вы должны подписать бумагу, что в случае издания вы согласны с перечисленными условиями.

Эжен слушал секретаря, приоткрыв рот, в полном замешательстве. Он почти ничего понял, и в голове его билась только одна мысль, что, прочитав роман до конца, барон может передумать издавать его. И теперь молодой человек был согласен подписать что угодно. В его глазах подписанный документ хоть как-то приближал его к мечте. Он торопливо расписался на положенном перед ним листе бумаги.

– Очень хорошо, сударь, – кивнул Леон. – Теперь вам осталось немного запастись терпением, уверен, вам его не занимать, думаю, вы ждали довольно, пока таким наивным способом не добились возможности представить своё творение барону, – при этих словах Реманжу вновь скупно улыбнулся.

– Благодарю вас, сударь, – пролепетал Эжен. Он понял, что следует откланяться, более он ничего не услышит.

– Да, друг мой, оставьте адрес, по которому я могу вас отыскать в случае необходимости.

Бланшар залился краской до самой шеи. Проклятье, назвав жалкую улицу и дом, в котором он обитает, значит выказать себя нищим. Жалким нищим, что не заслуживает уважения.

– Видите ли, господин Реманжу, – промямлил он. – Я подыскиваю себе другую квартиру и вскоре перееду. Не будете ли вы любезны позволить мне самому наведаться к вам в контору через некоторое время.

Мэтр Реманжу внимательно посмотрел на гостя. Он всё прекрасно понял, ещё когда увидел Эжена впервые. И конечно догадался, что молодой человек умирает от стыда за своё убогое положение.

– Как вам будет угодно, сударь, – степенно произнёс он. – Приходите недели через две. Думаю, господину барону хватит времени на чтение.

Бланшар торопливо кивнул и поспешил откланяться.

Время ожидания обернулось для него настоящим кошмаром. Он стал крайне раздражительным, плохо спал и позволял себе грубить Маргарите, несмотря на то, что по-прежнему жил за её счёт. А влюблённая девушка словно не замечала дурного обращения. Ей казалось, что мужчина, а тем более такой умный и образованный, как Бланшар, имеет полное право на подобное поведение. С самого детства Марго не видела тёплых отношений между людьми. Она привыкла к вечной ругани, злобным выходкам и грубости, скотскому отношению мужчин и брезгливости женщин. И в кои веки проявив заботу, Маргарита искренне привязалась к объекту своего сострадания. С каждым прожитым вместе днём она всё больше находила в любовнике притягательные черты и даже недоумевала, как такой прекрасный и достойный человек обратил внимание на жалкую уличную девицу. То, что молодой человек пользуется её деньгами, её услугами, заботой и её телом, вовсе не смущали Маргариту. Ведь женщина и рождена только для того, чтобы услаждать мужчину и заботиться о нём. Он стал для Маргариты первой и самой чистой бескорыстной любовью, её мужчиной, её ребёнком, да наконец, единственной родной душой. И когда доведённый до крайности измучившим его ожиданием Бланшар в приступе раздражения отвесил девушке пощёчину, она лишь прижала ладонь к покрасневшей щеке и, глотая слёзы, залепетала оправдания. А Эжен несколько секунд оторопело смот-

рел на подругу, ему стало страшно, что он проявил неоправданную жестокость, да ещё по столь ничтожному поводу. Молодой человек готов был рухнуть на колени и вымаливать прощения и едва ли не целовать ей ноги. Но очнувшись и осознав, что Маргарита считает виноватой в случившемся себя, тут же передумал извиняться и, ошалеv от безнаказанности, заносчиво проронил:

– В другой раз думай, что говоришь. Я не позволю обращаться с собой, как с жалким приказчиком или подручным лавочника.

И вместо того, чтобы возмутиться, девушка бросилась ему на грудь и, целуя руки, поклялась в своей любви и преданности. А ночью Эжен получил столько даровых утех, сколько сроду не доставалось случайным мужчинам даже за хорошие деньги. И Бланшар всё больше наглед, уверенный, что не получит отказа. И Маргарита готова стелиться перед ним, как перед владыкой и господином. И уличная девица, неосознанно потакая его любым, даже самым постыдным желаниям, добавляла к его и без того развращённой записками маркиза натуре ещё больше низменных проявлений.

Эжен не переставал грезить о свалившихся на него славе и богатстве. И подчас предавался этим мечтам вслух, лёжа в постели с любовницей.

– Даже не знаю, стоит ли купить себе экипаж и держать лошадей? Может, лучше взять внаём шикарное ландо и не думать о содержании возницы да устройстве конюшни. Воображаю, сколько забот появляется у людей с большими деньгами.

– Ах, Эжен, как же мы будем счастливы, когда заживём в хорошем, уютном доме и сможем не расставаться по вечерам, как теперь, когда я вынуждена таскаться по улицам, – мечтательно пробормотала девушка, прижимаясь к молодому человеку.

Но Бланшар ничего не ответил. Слова любовницы резко выдернули его из марева мечты в реальность и живо вывели из себя. Ну уж нет, ещё не хватало, чтобы, разбогатев и заняв положение в обществе, он связал свою жизнь с жалкой шлюхой из подворотни! В той новой и прекрасной жизни таким, как Маргарита, попросту нет места! Он наверняка обзаведётся знакомыми, из числа важных господ и шикарных женщин. Да Эжен сгорит от стыда, если возле него будет эта девица. За версту видно, что она из себя представляет. С такой спутницей ему глупо рассчитывать на приёмы в солидных домах. Пожалуй, такие, как барон, даже любовниц заводят в своём кругу. Ну... или проводят время с дорогими потаскухами. Хотя не годится рвать с Марго немедля, он ещё не знает ответа Шарля Баретта. В конце концов, выставить её он всегда успеет, а пока так славно, когда есть кому возиться с тобой, опекать, кормить и доставлять все мыслимые и немыслимые плотские удовольствия.

Поблуднев, Бланшар вошёл в контору мэтра Реманжу. Служащий вновь вежливо и без промедления провёл его в кабинет со словами:

– Вас ждут, сударь.

Через несколько минут напряжённый до ломоты в спине Эжен ехал в фиакре, сидя напротив секретаря барона. Он не мог до конца поверить, что терзаниям его настал конец, и долгожданный финал совсем близко. Леон Реманжу ограничился лишь фразами, что Шарль Баретт прочёл книгу и вроде бы заинтересовался ею. Теперь он желает побеседовать с автором и уточнить кое-какие детали. Бланшар и ждал этого разговора и одновременно страшился его. А вдруг проницательный и опытный барон каким-то чудом догадается, что вся рукопись – ни что иное, как старательно записанное с чужих слов. От этой мысли ему стало не по себе, словно его уже уличили во лжи или поймали на воровстве. И когда фиакр остановился, Эжен понял, что вовсе не заметил дороги. Теперь, стоя возле высокой кованой ограды в сумерках осеннего дня, он не мог узнать ни улицы, ни квартала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.